

**ЗНАНИЕ**

НОВОЕ  
В ЖИЗНИ,  
НАУКЕ,  
ТЕХНИКЕ

**И. В. Бестужев-Лада**

**КРИЗИС  
БУРЖУАЗНЫХ  
КОНЦЕПЦИЙ  
БУДУЩЕГО  
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

СЕРИЯ  
ФИЛОСОФИЯ

**9'79**



**НОВОЕ  
В ЖИЗНИ,  
НАУЧЕ,  
ТЕХНИКЕ**

Серия  
«Философия»  
№ 9, 1979 г.

Издается  
ежемесячно  
с 1960 г.

**И. В. Бестужев-Лада,**  
доктор исторических наук

**КРИЗИС  
БУРЖУАЗНЫХ  
КОНЦЕПЦИЙ  
БУДУЩЕГО  
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ЗНАНИЕ»  
Москва  
1979**

**СОДЕРЖАНИЕ**

Введение . . . . .	3
Миражи «постиндустриального общества» . . .	11
От «футурологии» к «футурошоку» . . .	29
«Пределы роста» или «Поворотный пункт»? .	39
Заключение . . . . .	54
Литература . . . . .	59
Список упоминаемых в брошюре зарубежных изданий, не переведенных на русский язык .	61

**Бестужев-Лада И. В.**

**Б 53** Кризис буржуазных концепций будущего человечества. М., «Знание», 1979.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия», 9. Издается ежемесячно с 1960 г.)

В брошюре дана развернутая критика взглядов буржуазных футурологов относительно будущего человечества, показывается кризис методологических установок различных школ и направлений западной футурологии в подходе к перспективным социальным проблемам современности.

Автор убедительно доказывает, что только с позиций диалектико-материалистической концепции можно правильно понять сложные и многообразные социально-экономические процессы, найти решение задач, выдвигаемых в ходе развития науки, техники, экономики, культуры, всего человечества и самого человека.

**10204**

**66.019**

## ВВЕДЕНИЕ

---

В идеологической борьбе между коммунистическим и буржуазным мировоззрением видное место занимали и занимают концепции будущего, построенные, с одной стороны, на базе теории научного коммунизма, диалектического и исторического материализма, марксистско-ленинской политической экономии, и с другой — буржуазной философии, социологии и политической экономии. Будущее человечества было и остается такой же важной ареной идеологической борьбы двух мировых социальных систем, как и его прошлое и настоящее.

Степень притягательности той или иной социальной системы в глазах людей определяется, как известно, не только тем, какие блага, материальные и духовные, дает она сегодня, сейчас и как распределяются эти блага между различными классами населения, но и тем, какие конкретно перспективы она открывает перед обществом.

В нашей стране строится коммунистическое общество. КПСС и Советское правительство делают все возможное, для того чтобы претворить в жизнь великие идеи построения коммунизма. Как отмечалось на первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва, «Советское правительство будет использовать все возможности, весь авторитет и влияние нашего государства для того, чтобы остановить гонку вооружений, приступить к реальным мерам в области разоружения и создать условия для использования всеми странами своих ресурсов в созидательных целях, для ускорения экономического и социального прогресса человечества»<sup>1</sup>.

Наш социальный идеал — коммунизм во всемирном масшта-

---

<sup>1</sup> Дорогой созидания и мира. Выступление депутата А. Н. Косыгина на первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва. — «Правда», 1979, 20 апреля.

бе. Социальный идеал — то, к чему стремятся люди, ради чего живут, — представляет собой одну из величайших духовных ценностей человечества. А он неразрывно связан с определенной концепцией будущего. Представления о будущем в мировой общественной мысли имеют прямое отношение к истории научного предвидения, которая развертывается на протяжении почти полутора столетий и которой предшествовала многотысячелетняя предыстория<sup>2</sup>.

Человек не сразу пришел к идее о возможности предвидения будущего. Первобытное мышление лишь после долгого развития выработало представление о прошлом и (значительно позднее) о будущем как о категориях, отличных от настоящего. Складывание ранних представлений о будущем находилось в тесной связи с эволюцией первобытной мифологии от примитивных мифов-сказок, истолковывавших (фантастически, разумеется) наиболее простые явления природы, к мифам, объясняющим установление родовых нравов и обычаев, а затем и происхождение людей и всего мира в целом, а также судьбу умерших. Так постепенно оформилась идея о возможности «иного мира», в чем-то непохожего на окружающий, а затем «иного мира в ином времени» — в прошлом и в будущем.

На этой базе развитие представлений о будущем долгие тысячелетия шло по трем основным направлениям, сохранившимся и доныне: религиозному, утопическому и философско-историческому.

Процесс формирования религиозных концепций завершился созданием в I тысячелетии до нашей эры индуистско-буддийско-джайнистской и в I тысячелетии нашей эры — иудаистско-христианско-мусульманской эсхатологии (учения о конце света)<sup>3</sup>. С тех пор религия не дала ничего существенно нового. Однако было бы ошибкой недооценивать значение религиозных концепций в домарксовских и даже в современных немарксистских представлениях о будущем. Религиозно-философская мысль древних

---

<sup>2</sup> Подробнее см.: И. В. Бестужев-Лада. Окно в будущее. М., 1970, раздел «Основные этапы развития представлений о будущем».

<sup>3</sup> В том и в другом случаях общие черты преобладают над частными различиями;

выработала целый комплекс идей, доживших до наших дней (идеи воздаяния в загробном мире сообразно поведению человека при жизни; провиденциализма — божественного провидения, целенаправленно определяющего ход событий независимо от воли человека; мессианизма — появления в будущем спасителя-мессии, который радикально изменит к лучшему существующие порядки и т. д.). Религиозные концепции будущего сыграли важную роль в социальной борьбе в минувшие тысячелетия. Они оказали сильнейшее влияние на эволюцию утопизма и идеалистической философии истории XVI—XX вв. Без них трудно понять особенности некоторых течений современной буржуазной идеологии.

Со временем наряду и в тесной связи с религиозными концепциями стали развиваться взгляды утопического характера. Они отличались от религиозных тем, что «иное будущее» человечества определялось не сверхъестественными силами, а самими людьми, их разумом и действиями. Первые социальные утопии появились в древних Греции, Риме, Китае; полутора тысячелетиями позже — в странах арабского халифата и еще полутысячелетие спустя — в Западной Европе.

Восходящая стадия развития утопизма завершилась к середине XIX в. трудами социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна. С тех пор следует вторая стадия, на протяжении которой наблюдается появление все новых утопий почти всех основных типов — от идеализирующих первобытную общину до буржуазных и социалистических. Исчезли, по понятным причинам, рабовладельческие и феодальные утопии, характерные для минувших веков. Их в XX в. сменили реакционные утопии различных оттенков, в том числе и фашистского толка.

Еще в Древнем мире начали складываться также философско-исторические концепции будущего, причем уже тогда сформировались все три основные концепции исторического процесса, существующие до сих пор: регресс человечества от некоего «золотого века» к упадку и грядущей гибели человеческой культуры; цикличность — бесконечная смена подъемов и падений цивилизации; прогресс — развитие от низшего к высшему.

Идеалистическая философия истории, как и утопизм, достигла вершины своего развития к середине XIX в. в трудах Канта

и Фихте, Шеллинга и Гегеля. Она существует и до сих пор, постепенно деградируя, и входит органической составной частью в некоторые современные буржуазные концепции будущего.

Теория научного коммунизма, созданная на базе диалектического и исторического материализма, произвела перелом в развитии представлений о будущем человечества. Она открыла собственно историю научного предвидения в социологии. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что их социальное учение связано с прогрессивными традициями мировой общественной мысли, что источниками марксизма явились классическая философия (в том числе философия истории), классическая политическая экономия и утопический социализм. Но это было не просто развитие прежних философских, экономических и политических учений, а создание принципиально нового учения, органически включившего в себя диалектико-материалистическую философию, политическую экономию и теорию научного коммунизма. С самого начала марксизму пришлось выдержать идейную борьбу сразу на нескольких фронтах, в частности, поскольку это касается представлений о будущем, с религиозными догмами, утопизмом, концепциями идеалистической и вульгарно-материалистической философии истории, а также с различными философско-социологическими направлениями позитивизма. При этом главными противниками марксизма в вопросах научного предвидения выступали утопизм и позитивизм. Роль других течений общественной мысли стала к тому времени менее значительной.

Для утопизма было характерно стремление создать детальную картину будущего, втиснуть ее в рамки априорно заданной «идеальной схемы», продиктовать своеобразные «правила поведения» будущим поколениям. В противоположность этому марксизм принципиально воздерживался от детально расписанных «картин будущего», стремился увязать социальный идеал с выявлением основных закономерностей развития общества, делал упор на создание условий для революционного перехода к новому, коммунистическому обществу, предполагая, что конкретные черты такого общества будут определены впоследствии самими его членами сообразно их пониманию нового порядка вещей.

Для позитивизма были характерны агностическое отношение к

предвидению, особенно социальному, требование ограничиться описанием и объяснением изучаемого объекта, недооценка третьей функции науки — предсказания. В противоположность этому марксизм отстаивал принципиальную возможность научного предвидения, единство трех равноправных функций науки (анализ, диагностика и прогноз), необходимость специального исследования не только наблюдаемых тенденций, но и перспектив развития изучаемого объекта.

Столкновение марксизма с утопизмом и позитивизмом вызвало ряд «побочных эффектов». Один из них — падение уровня и влияния религиозных, утопических и идеалистических философско-исторических концепций будущего. Другой — появление нового жанра научной публицистики в виде «размышлений о будущем» ученых или писателей, которых интересовало большей частью не социальное будущее человечества вообще, а конкретные, частные перспективы отдельных сторон научно-технического и лишь отчасти (в связи с ним) социального прогресса. Наиболее значительные произведения этого жанра: Диоскорид (П. Гартинг) «Год 2066» (1866)<sup>4</sup>, Ш. Рише «Через сто лет» (1892, рус. пер. 1893), Г. Тард «Отрывки из будущей истории» (1896, рус. пер. 1907), Г. Уэллс «Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль» (1901, рус. пер. 1902), книги и статьи К. Фламмарiona, Э. Говарда, М. Бертоло, Д. И. Менделеева, И. И. Мечникова, ряда других ученых и публицистов. Это были «первые ласточки» «литературы о будущем», бурно разросшейся позднее, в 20-х гг. и, наконец, во второй половине XX в.

В конце XIX — начале XX в., особенно после смерти Ф. Энгельса, наряду с марксистскими работами по проблемам будущего стало появляться все больше книг и статей ревизионистского толка, в которых предпринимались попытки «сблизить» марксистскую концепцию будущего с социалистическими и даже буржуазными утопиями. На этом фоне выдающаяся роль принадлежит В. И. Ленину, труды которого в новых исторических условиях развили марксизм вообще и марксистскую концепцию будущего в частности. Ленин последовательно отстаивал основные принципы

<sup>4</sup> Здесь и далее выходные данные зарубежных изданий, не переведенных на русский язык см. на с. 61—63.



этой концепции: упор на диалектико-материалистическое понимание истории (определение направления развития явления в соответствии с закономерностями развития природы и общества), принципиальный отказ от утопического предвосхищения конкретных деталей будущего, органическая связь научного предвидения с научным обоснованием конкретных мер, направленных на достижение научно обоснованных целей.

Отказываясь, вслед за К. Марксом, догматически предвосхищать будущее, В. И. Ленин тем определеннее стремился выяснить, что нужно совершить в настоящем. Он требовал ставить вопросы политики на реальную историческую почву «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»<sup>5</sup>.

Рамки настоящей работы не позволяют проследить связь научного предвидения в трудах Ленина с его научным обоснованием социально-экономического и политического планирования развития экономики и культуры Советского государства. Достаточно упомянуть о том, что первые шаги социалистического планирования (в частности, План ГОЭЛРО) породили дискуссию в мировой печати, подорвали догму буржуазной идеологии, что экономика и культура якобы не поддаются предвидению и планированию, и привели к стремительному росту литературы о будущем.

В частности, в Советском Союзе и за рубежом появились десятки книг, сотни брошюр и тысячи статей, специально посвященных различным конкретным аспектам будущего. В советской литературе наиболее важное значение имеет в этом смысле серия так называемых калужских брошюр К. Э. Циолковского 1925—1930 гг. («Будущее Земли и человечества», «Цели звездоплавания» и другие), а также первая обобщающая коллективная работа по данной проблематике «Жизнь и техника будущего» (1928). В зарубежной литературе выделяются по значению монографии английских ученых А. Лоу «Будущее» (1925), Ф. Джиббса «Послезавтра» (1928). Особо следует отметить философско-исторические концепции О. Шпенглера («Закат Европы», 1918—1923), П. Сорокина («Система социологии», 1920 и «Социально-культурная динамика

<sup>5</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

ка», 1937—1941), А. Тойнби («Исследование истории», 1934—1960), которые оказали существенное влияние на эволюцию буржуазных концепций будущего в 60-х и 70-х гг.

В начале 30-х гг. бедствия экономического кризиса на Западе и надвигавшаяся мировая война отодвинули на задний план проблемы будущего и буквально за несколько лет, к середине 30-х гг., свели почти на нет стремительно возраставший на протяжении 20-х гг. поток «литературы о будущем». На передний план постепенно выдвигались работы о грядущей войне — труды военных теоретиков Дж. Дуэ (Италия), Д. Фуллера, Б. Лиддел-Гарта (Великобритания) и других.

Заторможенное второй мировой войной развитие концепций будущего опять развернулось с новой силой в конце 40-х и на протяжении 50-х гг. Три фактора (по отношению к буржуазным концепциям будущего) содействовали этому: во-первых, появление концепции научно-технической революции (и ее далеко идущих социально-экономических последствий), сформулированной в трудах Н. Винера и Дж. Бернала, а затем популяризованной в массе книг, статей и брошюр, в частности в книге австрийского публициста Р. Юнгка «Будущее уже началось» (1952), выдержавшей до 1970 г. десятки изданий; во-вторых, открытие так называемого «технологического прогнозирования», суть которого сводится к замене попыток однозначного предсказания выявлением перспективных проблем путем условной экстраполяции в будущее наблюдаемых тенденций (поисковый прогноз) и выявлением возможных оптимальных путей решений этих проблем (нормативный прогноз) с целью выработки рекомендаций для повышения уровня целеполагания, планирования, программирования, проектирования, вообще управленческих решений на основе сопоставления данных поиска и норматива; в-третьих, становление философской базы — основы новых буржуазных концепций будущего (индустриализм, экзистенциализм, структурализм, неопозитивизм, социал-реформизм, теяррдизм, теория конвергенции и т. д.)<sup>6</sup>.

---

<sup>6</sup> См.: Будущее человеческого общества. Критика современных буржуазных философских и социально-политических концепций. М., 1971; В. Н. Кузнецов. Основные тенденции кризиса современной буржуазной философии. М., 1978.

Концепция научно-технической революции подняла вопрос о социально-экономических последствиях, о революционных, качественных изменениях в жизни человечества на протяжении ближайших лет и тем более десятилетий. «Технологическое прогнозирование», оказавшееся исключительно эффективным для оптимизации принятия решений в сфере науки и техники, экономики и культуры, политики и военного дела, вызвало к жизни «бум прогнозов» — появление в первой половине 60-х гг. сотен научных учреждений или отделов, специально занявшихся разработкой «технологических» прогнозов научно-технического, социально-экономического и военно-политического характера, что потребовало научно-теоретического осмысления, концептуализации этой работы. Новейшие течения буржуазной философии создали мировоззренческий «фон» — набор понятий, категорий, теоретических предпосылок, перспективных тенденций, социальных норм и т. д., необходимых для конструирования концепций будущего.

Нелишне еще раз напомнить, что формирование этих буржуазных концепций проходило в напряженной идеологической борьбе с марксистско-ленинской концепцией будущего. Последняя нашла свое дальнейшее практическое развитие на протяжении 50—70-х гг. в разработке новой Программы КПСС и программных документов других братских компартий, в материалах съездов и международных совещаний коммунистических партий, во всей теоретической работе послевоенного международного коммунистического и рабочего движения. Эта важная тема заслуживает специального рассмотрения.

Литература, содержащая современные буржуазные концепции будущего, носит обычно название «футурологической». Не следует забывать, что термин «футурология», предложенный в 1943 г. немецким социологом, эмигрировавшим в США, О. Флехтгеймом, постепенно приобрел около десятка различных значений, далеко не совпадающих друг с другом. Он означал первоначально у Флехтгейма некую новую надклассовую «философию будущего», равно противостоящую как «идеологии» (т. е., в трактовке К. Мангейма, всем социальным учениям, защищавшим ту или иную действительность, общественный строй и т. п.), так и «утопии» — учениям, критиковавшим социальные порядки. Позднее, в начале

60-х гг., в условиях нового «бума прогнозов» он стал означать некую новую «науку о будущем», которая претендовала на монополизацию предсказательных функций существующих научных дисциплин, но оказалась надуманной, лишенной собственного объекта, предмета, проблематики и методов исследований, ввиду неразрывности функций описания, объяснения и предсказания (анализа, диагноза и прогноза), присущих каждой существующей научной дисциплине. Еще позднее этот термин стал означать то прогностику (теорию прогнозирования), то непосредственно практику разработки прогнозов, то совокупность теории и практики прогнозирования, то комплекс прогнозов в общественных науках (социальное прогнозирование), то всю современную «литературу о будущем», то только немарксистскую, то только современные буржуазные концепции будущего и т. д. Именно поэтому на Западе он сохранился ныне в основном лишь в качестве образного синонима более распространенного специального термина «исследование будущего», в смысле комплекса теории и практики прогнозирования или в более широком смысле — современной «литературы о будущем». В дальнейшем мы будем употреблять этот термин в смысле совокупности современных буржуазных концепций будущего.

Если говорить о 60—70-х гг. (начиная с «бума прогнозов»), то буржуазная футурология прошла в своей эволюции три стадии развития и ныне, по всем данным, вступает в четвертую. Сугубо ориентировочно, по мотивам, о которых будет сказано ниже, рубежи между этими стадиями можно датировать 1968 и 1971 гг.

Соответственно в последующих разделах настоящей работы излагаются основные этапы кризиса буржуазной футурологии в периоды 1961—1968, 1968—1971 и 1971—1978 гг.

### **МИРАЖИ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»**

---

В конце 40-х и на протяжении 50-х гг. в постепенно разраставшемся потоке западной «литературы о будущем» продолжали преобладать книги, брошюры, статьи, весьма похожие на те, ко-

торые выходили в 20-х — начале 30-х гг. или даже ранее и о которых мы упоминали выше. В это время еще давали знать себя традиционные концепции, связанные с предшествовавшим и более ранними этапами развития представлений о будущем, когда будущее, даже отдаленное, рисовалось обычно в виде технических новшеств, без существенных социально-экономических изменений. Еще не наблюдалась связь представлений о будущем с концепцией научно-технической революции и ее социально-экономических последствий, с теориями индустриализма, с инструментарием «технологического прогнозирования» — все это тогда еще только складывалось. Однако в отличие от предыдущего этапа сознание того, что будущее несет с собой не только технические новшества, что изучать его необходимо во всеоружии современной науки, начинало распространяться уже в те годы.

Книги французского социолога Ж. Фурастье «Цивилизация 1960 года» (1947)<sup>1</sup>, «Великая надежда XX века» (1949), «История будущего» (1956), «Великая метаморфоза XX века» (1961), английских ученых А. Томсона «Предвидимое будущее» (1955, рус. пер. 1958), А. Кларка «Черты будущего» (1962, рус. пер. 1966) и другие ничем существенно не отличались от книг Г. Уэллса, А. Лоу, Ф. Джиббса, менялся в основном лишь научно-технический «фон» по мере все новых открытий в науке и технике.

Однако уже в те годы на Западе началась интенсивная разработка философских, экономических и социологических концепций, которые составили идейную основу буржуазной теории индустриализма. Уже в 1958 г., после серии постановочных статей, видный американский экономист и социолог У. Ростоу выступил в Кембриджском университете с курсом лекций, на основе которого в 1960 г. появилась его нашумевшая книга «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест»<sup>2</sup>. Почти одновременно начал работу над книгой «Новое индустриальное общество» (издана в 1967 г., рус. пер. 1969) другой видный американский

---

<sup>1</sup> Переработана и издана в 1953 г. под названием «Цивилизация 1975 года», а в 1974 г. — под названием «Цивилизация 1995 года».

<sup>2</sup> См.: В. С. Капурин. Процесс общественного развития и «Теория стадий» Уолта Ростоу. М., 1967.

экономист и социолог Дж. Гэлбрэйт, известный уже в 50-х гг. своими докладами, статьями и книгами «Американский капитализм: концепция уравнивающей силы» (1952), «Общество изобилия» (1958), «Час либерализма» (1960) и другие. С докладами и статьями того же плана выступили также французские социологи Р. Арон и А. Турэн, американский социолог Д. Белл. Их работы были обобщены в книгах «18 лекций об индустриальном обществе» (1962) и «3 очерка об индустриальной эпохе» (1966) Р. Арона, «Постиндустриальное общество» (1969) А. Турэна, «Навстречу 2000 году» (1968), «Наступление постиндустриального общества» (1973) и «Противоречия культуры капитализма» (1976) Д. Белла<sup>3</sup>.

В основе теоретической концепции индустриализма лежит предпосылка: уровень социально-экономического развития страны определяется не общественно-экономической формацией на той или иной стадии ее развития, а промышленным потенциалом. Нашлась и «единица измерения» — величина валового национального продукта (ВНП) на душу населения. Если ВНП не превышает сотни-другой долларов в год, как в подавляющем большинстве стран Африки, Азии и Латинской Америки, на них наклеивается ярлык «доиндустриального общества» (независимо от общественного строя, от того, является ли страна колонией, подчинена ли ее экономика монополиям развитых капиталистических стран, вступила ли она на путь некапиталистического развития, относится ли к странам победившего социализма). Если ВНП составляет много сотен долларов, значит, страна находится на стадии перехода от «доиндустриального» к «индустриальному» обществу (опять-таки независимо от общественного строя). Если ВНП составляет несколько тысяч долларов, как это имеет место в экономически развитых странах Северной Америки, Европы, а также в Японии, Австралии и Новой Зеландии, Южной Африке и других, то появляется ярлык «индустриального общества» (капиталистического или социалистического — с точки зрения теории индустриализма безразлично).

Но ВНП растет почти во всех без исключения странах мира.

---

<sup>3</sup> Подробнее см.: Г. И. Иконникова. Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи. М., 1975.

С помощью инструментария «технологического прогнозирования» нетрудно подсчитать, какой величины достигнет он в такой-то стране к такому-то году при наблюдающихся темпах роста экономики (напомним, что до экономического кризиса 70-х гг. темпы этого роста в странах Запада на протяжении 50-х и 60-х гг. были относительно высоки). Что же произойдет, если при подобном допущении ВВП на протяжении грядущих десятилетий увеличится в развивающихся странах с десятков до сотен и с сотен до тысяч долларов в год на душу населения, а в развитых странах — с тысяч до десятков тысяч? Ответ теоретиков индустриализма: в таком случае «доиндустриальное» общество независимо от общественного строя поднимается на ступень «переходного к индустриальному», последнее, в свою очередь, на ступень «индустриального», а оно — на еще более высокую, невиданную доселе ступень «постиндустриального общества». Это и будет будущее, которое, по мнению «индустриалистов», ожидает человечество к XXI в.

Пожалуй, наиболее полно эта линия была проведена в книге директора Гудзоновского института — одного из ведущих прогнозистических центров США — Г. Кана и его сотрудника А. Винера «Год 2000». Книга была подготовлена на протяжении 1964—1966 гг. в рамках работы «Комиссии 2000 года» Американской академии наук и искусств под председательством Д. Белла, издана в 1967 г. и вплоть до 1970 г. оставалась в центре внимания западных футурологов.

Авторы выстроили страны мира по «лестнице» величины ВВП на душу населения. На самой верхней ступеньке оказались США. Под ними цепочкой — в зависимости от этого своеобразного «имущественного ценза» — помещались развитые капиталистические и социалистические страны, а далеко в отрыве от них — страны Латинской Америки, Азии и Африки. С этой позиции смысл развития каждой страны представлялся как перемещение вверх по ступенькам «лестницы ВВП» и где-то в более или менее отдаленной перспективе — достижение современного уровня США, которые, предстают неким «венцом творения», подобно тому, каким рисовалась Гегелю прусская монархия середины прошлого века.

.. Кан и Винер разделили страны мира на пять категорий: «доиндустриальные» (до 200 долл. ВВП на душу населения), «переходные» (200—600 долл.), «индустриальные» (600—1500 долл.), «высокоиндустриальные» (1500—4000 долл.) и «постиндустриальные» (свыше 4000 долл.). Затем определили наиболее вероятные, на их взгляд, темпы роста ВВП этих стран при наблюдаемых тенденциях. Наконец, скрупулезно подсчитали, сколько лет понадобится при данных темпах роста той или иной стране для перехода в следующую категорию и в конечном счете — для достижения уровня США 60-х гг. Получилось, что даже «высокоиндустриальным» странам необходимо якобы для этого от 11 до 42 лет, а «доиндустриальным» Китаю — 101 год, Индии — 117 лет, Мексике — 162 года, Нигерии — 339 лет, Индонезии — 593 года!

Дело даже не в том, насколько верны эти подсчеты, хотя уже сейчас очевидно, что они оказались несостоятельными.

Вызывала и вызывает принципиальные возражения (причем не только у марксистов) сама концепция будущего, согласно которой мир 2000 г. представляется большим или меньшим приближением к уровню США 60-х годов, а сами США — избавленными от бед сегодняшнего дня путем перехода в «постиндустриальную» категорию. А ведь авторы не просто подсчитывают количество долларов на «среднюю» душу населения. Их концепция подразумевает, что по мере приближения к уровню США одна страна мира за другой, невзирая на существующий в них общественный строй, будут все более уподобляться Соединенным Штатам и в экономическом, и в социальном отношении.

Трудно представить себе, что в мире 2000 г., каким его рисует нам современное социальное прогнозирование, в мире нарастающей борьбы прогрессивных общественных сил, окончательного превращения науки в мощную непосредственную производительную силу, в мире триумфального шествия автоматики и электроники, намного более высокой производительности труда и, как следствие этого, в высшей степени реальной возможности создания изобилия (или по меньшей мере достатка) важнейших материальных благ, что в этом мире народы стран Азии, Африки и Латинской Америки откажутся от своей борьбы против отсталости, нищеты, развитые страны уподобятся современным США



со всем хорошо известными «прелестями» пресловутого «американского образа жизни», а сами США неведомо каким образом избавятся от своих нынешних бедствий и превратятся в некий недостижимый идеал для всех остальных стран.

Это возможно только при фантастическом допущении, будто мировая система капитализма каким-то чудом избавится от существующих ей противоречий и пороков, тогда как мировая система социализма тоже каким-то чудом лишится своих преимуществ в мирном соревновании с капитализмом, а развивающиеся страны будут безропотно нести неоколониальное ярмо, оставаясь в тисках отсталости и нищеты, страдая от голода и эпидемий, от нехватки квалифицированных специалистов и просто грамотных людей. Другими словами, такая перспектива возможна при абсурдном допущении, будто мировая система социализма каким-то образом окажется «растворенной» в капиталистическом мире, международное рабочее движение откажется от своих конечных революционных целей, а национально-освободительное движение вообще сойдет на нет.

70-е гг. XX в. почти полтора десятилетия спустя после выхода в свет книги Кана и Винера демонстрируют нам категорическое «нет» по всем перечисленным пунктам. Есть все основания полагать, что 80-е и 90-е гг. дадут еще более веские подтверждения несостоятельности гипотез, заложенных в основу теории «постиндустриального общества».

Сказанное вовсе не означает недооценки экономического фактора в определении перспектив развития той или иной страны, в том числе недооценки таких важных показателей экономического роста, как увеличение ВВП вообще и на душу населения в частности. Как известно, перспектива соревнования двух мировых систем во многом определяется постепенным достижением превосходства социализма именно в отношении производительности труда и экономического потенциала, включая величину ВВП на душу населения. Но большое значение имеет и то, как производится и распределяется ВВП. Не менее важны место и роль произведенных благ в общей системе социальных потребностей, которая в условиях научно-технической революции претерпевает серьезные изменения.

То, что США и другие развитые капиталистические страны достигли относительно высокого уровня ВВП в расчете на «среднюю» душу населения, никак не заслоняет того факта, что миллионы людей в этих странах обездолены, живут в бедности или на грани бедности. Известно, что «верхние сто семей» — горстка миллиардеров в каждой из этих стран располагает львиной долей национального богатства, что на «верхние 10 процентов» населения (крупная и средняя буржуазия, верхушка бюрократии и пр.) приходится до половины национального богатства, тогда как «нижние 10 процентов» составляют прозябающие в нищете бедняки и еще по меньшей мере столько же находятся за чертой официально установленного прожиточного минимума, т. е. едва сводят концы с концами.

Невольно вспоминается старая шутка статистиков о том, что если кто-то съел курицу, а другой лег спать голодным, то в среднем с точки зрения статистики на каждого пришлось по полкурицы. В эту шутку капиталистическая действительность вводит лошадиную дозу правды.

Известно, что за прошедшие 20 лет уровень жизни населения экономически развитых стран Запада если и претерпел изменения, то для большинства людей отнюдь не в лучшую сторону. Рост цен, за которым часто не поспевает периодическое увеличение заработной платы и пособий (оно производится обычно с большим запозданием, нередко после ожесточенной стачечной борьбы и, как правило, в масштабах, недостаточных для полной компенсации растущей дороговизны), особенно больно бьет по низкооплачиваемым рабочим и служащим, пенсионерам, молодежи — вообще по людям с фиксированным или недостаточно гарантированным доходом. Нет никаких оснований предполагать, что при существующем положении вещей эта картина сколько-нибудь существенно изменится и в последующие 20 лет, т. е. к 2000 г., что в США и других капиталистических странах при любом росте ВВП, любых чудесах науки и техники будущего заметно уменьшится пропорция голодных, бездомных, обездоленных. Для этого необходимы социальные преобразования, которые остаются за пределами поля зрения теоретиков «постиндустриального общества».

С другой стороны, валовой национальный продукт — это все, что производится в стране, а производится много такого, что весьма затруднительно безо всяких оговорок связать с благосостоянием людей. По замечанию одного из западных экономистов, ВВП, помимо всего прочего, включает в себя также стоимость пистолета и ножа, с помощью которых тебя ограбили на улице. А если говорить серьезно, включает расходы на гонку вооружений, которые по своим темпам не имеют равных в статьях бюджета. 20 лет назад гонка вооружений обходилась человечеству в 100 млрд. долл. ежегодно. Из них по меньшей мере 40 млрд. приходилось на долю США. Ныне вооружения поглощают 400 млрд. долл., из них около 140 млрд. (более четверти всех бюджетных государственных расходов на 1980 финансовый год!) падает на долю США. На будущее десятилетие администрация Картера запланировала затратить на гонку вооружений около 1,5 триллиона долларов. (С 1945 г. израсходовано почти 2 триллиона<sup>4</sup>.)

Экстраполируя, по примеру Кана и Винера, такую тенденцию на 2000 г., получаем астрономическую величину. Как это скажется на бюджете «средней» семьи в странах Запада, не говоря уже о бедняках? Какую долю займут в этом бюджете столь же быстро растущие расходы на алкоголь, табак, наркотики, порнографию и другие вещи, деликатно относимые к категории псевдопотребностей? Как будет выглядеть в этом свете рост материального благосостояния: в XX в. — дом и машина, в XXI в. — два дома и две машины, в XXII в. — три дома и три машины и т. д.? Как будет выглядеть духовное благосостояние? Не окажется ли «постиндустриальное общество» ухудшенной копией современного буржуазного, с более изощренной техникой (особенно военной), но с более низким уровнем реального материального и духовного благосостояния людей?

Эти и им подобные вопросы с нарастающей остротой зазвучали в том вихре полемики, которая поднялась на Западе вокруг книги Кана и Винера, вообще вокруг теорий индустриализма. В условиях растущих ожесточенных нападок, которым подверглась концепция «постиндустриального общества» даже со стороны представителей других течений буржуазной идеологии, не говоря уже

---

<sup>4</sup> См.: «Правда», 1979, 24 января; «Правда», 1979, 26 апреля.

о критике с марксистских позиций (на этой стороне дела мы остановимся ниже), ее сторонники вынуждены были существенно усложнить свои теоретические положения, прибегнув к более изощренной аргументации и обратившись, помимо ВВП на душу населения, к более широкому кругу социальных показателей<sup>5</sup>.

Прежде всего подверглись пересмотру показатели социальной структуры «постиндустриального общества». Был предпринят настоящий поход против классовой структуры, объявлено о скором исчезновении в экономически развитых странах рабочего класса и крестьянства и даже (в капиталистических странах) буржуазии, в связи с чем предложены многочисленные «новые модели социальной стратификации», начиная с высшего, выше-среднего, среднего, низше-среднего и низшего классов у Г. Кана (по масштабам доходов) и кончая полным отказом от понятия «класс», с заменой его более дробными социальными группами.

Ответ на эти «нововведения» дала сама жизнь в виде нарастания масштабов интенсивности классовой борьбы в условиях экономического кризиса 70-х гг., дальнейшего развертывания стачечной борьбы пролетариата, выступлений фермерского крестьянства и т. д.

Была выдвинута на первый план производственно-профессиональная структура общества, соотнесенная с концепцией «трех индустрий» (первичная — сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добывающая промышленность, вторичная — обрабатывающая промышленность, третичная — сфера обслуживания и духовного производства).

В контексте теорий индустриализма получалось, что если для «доиндустриального общества» характерно подавляющее преобладание и по доле занятых, и по доле ВВП (до 90% и выше) «первичной индустрии», а для «индустриального» — все более стремительный рост удельного веса вторичной и особенно третичной «индустрии» за счет первичной, то для «постиндустриального общест-

---

<sup>5</sup> Подробнее см.: И. В. Бестужев-Лада. Критика социальных показателей в теориях «постиндустриального общества». — В сб.: Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974.

ва» по такой логике должен был стать характерным полный переворот пропорций (табл. 1).

Иными словами, доля занятых в сельском хозяйстве и добывающей промышленности сокращалась до величины приблизительно одного процента, доля занятых в обрабатывающей промышленности — до величины примерно десятка процентов, а остальные девяносто приходились на сферы обслуживания и духовного производства.

Т а б л и ц а 1

Производственная структура	«Доиндустриальное общество»	«Индустриальное общество»	«Постиндустриальное общество»
«Первичная индустрия»	90—60	60—10	10—1
«Вторичная индустрия»	9—30	30—30	30—9
«Третичная индустрия»	1—10	10—60	60—90

Эта «картина будущего» была дополнена аналогичной схемой эволюции образовательно-квалификационной структуры общества. Если в «доиндустриальном обществе» на каждого дипломированного специалиста с высшим образованием приходилось по меньшей мере сто низкоквалифицированных работников, а на каждого грамотного — по меньшей мере десяток неграмотных, то в «постиндустриальном обществе» дипломированными специалистами окажется подавляющее большинство работников общественного производства (до девяти десятых и выше), недипломированными останется меньшинство, а уж неграмотными — и вовсе ничтожная часть уходящих на пенсию стариков. Получается примерно такое же соотношение, как в табл. 1.

Большое внимание было обращено также на показатели социально-демографической структуры общества. Для «доиндустриального общества» характерны относительно высокие рождаемость (постепенное снижение приблизительно 5—3%, т. е. 50—30 рождений на тысячу человек населения в год), смертность (3—2%) и естественный прирост населения (3—2%), «симметричная» возрастная структура (около половины нетрудоспособных детей и около половины трудоспособных взрослых с ничтожным процентом нетрудоспособных стариков) и низкая средняя продолжительность жизни (примерно 20—40 лет). Для «индустриального общества»

характерно падение смертности (2—1%), нарастающее падение рождаемости (3—2%) и соответствующее падение естественного прироста, приближающегося к нулю, «постарение» возрастной структуры с резким уменьшением доли детей и со столь же резким возрастанием доли престарелых, существенный рост средней продолжительности жизни (до 70 лет и выше). Экстраполируя эти тенденции на будущее, теоретики индустриализма делали вывод, что «постиндустриальное общество» в данном плане будет отличаться уравниванием рождаемости и смертности, прекращением естественного прироста населения («нулевым приростом»), уменьшением в возрастной структуре доли детей до 25—15% с увеличением за этот счет доли стариков до аналогичной величины (15—25%), ростом средней продолжительности жизни до 80—90 лет.

Показатели социальной структуры общества были дополнены показателями эволюции «типичного» денежного бюджета «средней» семьи и бюджета времени работников общественного производства.

В «доиндустриальном обществе», доказывали «индустриалисты», львиная доля расходов в бюджете семьи (до  $\frac{9}{10}$  и выше) приходилась на продукты питания, поскольку домашняя одежда, хижина и примитивный транспорт не требовали особенно больших расходов, а культура развивалась почти целиком на началах самообслуживания. В «индустриальном обществе» доля расходов на питание неуклонно снижается, за ее счет растут расходы на одежду, а особенно на жилище, транспорт, культуру. Экстраполируя эту тенденцию на отдаленное будущее, «индустриалисты» предсказывали падение доли расходов на питание и одежду в «постиндустриальном обществе» до ничтожной величины примерно нескольких процентов и рост за этот счет доли расходов на жилище, транспорт и культуру до колоссальной величины, сопоставимой с долей расходов на питание в «доиндустриальном обществе».

Точно так же поступали они и в отношении структуры рабочего года. Для «доиндустриального общества» характерен примерно 3500—4000-часовой рабочий год, т. е. 52 шестидневные рабочие недели по 10—12 и более часов работы в день, с 10—15 праздничными днями в году, но без оплачиваемых отпусков. В

«индустриальном обществе» рабочий год сокращается более чем на половину: до 48—50 пятидневных 40-часовых рабочих недель по 8 часов работы в день с 2—4-недельным отпуском. Экстраполируя и эту тенденцию на отдаленное будущее, «индустриалисты» предсказывали сокращение рабочего года в «постиндустриальном обществе» еще по меньшей мере вдвое, в результате чего он может выглядеть, например, как 40—42 четырехдневные рабочие недели по 6—7 часов работы в день с 10—12-недельным отпуском.

При таком подходе абстрактные десятки тысяч долларов ВВП на душу населения расшифровывались в конкретных чертах будущего «постиндустриального общества», где в сельскохозяйственном и промышленном производстве трудится не более одной десятой населения, а остальные девять десятых заняты в сферах обслуживания и духовного производства («общество изобилия»), где подавляющее большинство взрослого населения имеет специальное высшее образование и является дипломированными специалистами, где преодолена сложность современной демографической ситуации с ее шатанием от «демографического взрыва» (лавинообразного роста населения) в развивающихся странах до депопуляции (сокращение рождаемости до уровня, неспособного компенсировать смертность) в странах развитых, где установилось простое воспроизводство населения (рождается столько же, сколько умирает), где подавляющая расходная часть денежного бюджета людей идет не на питание и одежду, а на благоустройство жилища, транспорт, культуру («общество массового потребления»), наконец, где люди трудятся не более тысячи часов в год по сравнению с двумя тысячами теперь и четырьмя тысячами столетием раньше, где их свободное время в несколько раз больше современного («общество досуга»).

Это была очень броская рекламная картина буржуазного «общества будущего», которую «индустриалисты» недвусмысленно противопоставляли теории научного коммунизма. И тем не менее она подверглась такой же ожесточенной критике со стороны представителей других направлений буржуазной идеологии, какую выдержала незадолго перед тем книга Кана и Винера. Ее признали несостоятельной, так сказать, в своем собственном идеологиче-

ском лагере. С марксистских же позиций она вообще не выдерживает критики.

Конечно, комплексная механизация и развертывающаяся автоматизация промышленного производства обуславливают возможность сокращения числа рабочих непосредственно у станка и на подсобных фабрично-заводских работах. Чтобы в достатке снабдить население необходимым ассортиментом промышленных товаров широкого потребления, при таких условиях понадобится, видимо, значительно меньше рабочих, чем ныне. Но это вовсе не означает «исчезновения» рабочего класса в буржуазном обществе. Во-первых, в современных условиях и тем более в перспективе становится все труднее считать рабочим только работника физического труда с низким уровнем образования. Современное производство во все более широких масштабах требует и будет требовать от рабочего специального образования и растущей доли затрат умственного труда. Во-вторых, усложняется структура самого рабочего класса. Кроме того, к нему во все более широких масштабах начинают примыкать низшие слои служащих, работники сферы обслуживания и обслуживающий персонал растущей сферы духовного производства, чья работа ныне по самому характеру все более сближается с фабрично-заводской (хотя промышленный пролетариат по своей ведущей роли в общественном производстве был и остается наиболее значительной, наиболее организованной политической силой современного общества). Наконец, нельзя забывать, что ведущая политическая роль рабочего класса в обществе определяется не столько его количеством или удельным весом, сколько уровнем сплоченности, организованности, сознательности, революционной устремленности, научной идеологией. Рабочий класс царской России составлял в начале XX в. не более 14—15% занятых в народном хозяйстве. Это не помешало ему в союзе с трудовым крестьянством совершить победоносную социалистическую революцию.

Точно так же, как показывает опыт, комплексная механизация и развертывающаяся автоматизация сельского хозяйства делает возможным снабжение в достатке необходимым ассортиментом продовольственных товаров, а промышленности — сырьем при наличии в сельском хозяйстве всего нескольких процентов занятых



в общественном производстве. Труд крестьянина сближается по своему характеру с трудом рабочего.

Что же из этого следует? Рост производительности труда на базе комплексной механизации и автоматизации промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи служит одной из материальных предпосылок перехода к бесклассовому обществу. Но для такого перехода мало одних лишь материальных предпосылок. Нужны также предпосылки социальные, в частности, смена буржуазного общественного строя социалистическим. Именно это и имеет в виду теория научного коммунизма. Если же сохраняется буржуазный строй, как это предусматривает теория «постиндустриального общества», то неизбежно остаются эксплуататор и эксплуатируемый. Остается рабочий, который бастует и будет бастовать, борясь против чрезмерной эксплуатации. Остается крестьянин-фермер (если его не превратит в наемного рабочего предприниматель-капиталист). Наконец, остается буржуа-капиталист, который органически не может под страхом разорения и гибели ставить перед собой иной цели, кроме максимального увеличения прибыли любой ценой. Можно тысячекратно переименовывать представителей этих трех основных классов современного буржуазного общества, но суть дела от этого не изменится, доколе будет существовать буржуазный строй.

Что касается образовательно-квалификационной структуры, то здесь теоретиков «постиндустриального общества» ввел в заблуждение «образовательный бум» 50—60-х гг., когда масса молодежи развитых капиталистических стран устремилась в колледжи в надежде стать дипломированными специалистами — творческими работниками сферы духовного производства. Растущая доля выпускников средних школ, поступавших в колледжи, достигла в США и некоторых других странах к середине 60-х гг. 40—50% и более, что давало при механической экстраполяции на 2000 г. фантастические цифры 70—80% и более.

Однако суровая капиталистическая действительность быстро поставила все на свои места, и процесс этот за последние 10—15 лет претерпел некоторые изменения.

Дело в том, что при капиталистическом способе производства сфера обслуживания и сфера духовного производства, подоб-

но сфере материального производства, регулируются законами рынка, законами платежеспособного спроса, законами конкурентоспособности и рентабельности (т. е. способности давать наибольшую прибыль при наименьших затратах). Это определяет пропорции занятых в сферах общественного производства.

Да, как уже говорилось, комплексная механизация и автоматизация дали возможность резко сократить долю занятых в сфере материального производства, перебросить значительную часть людских ресурсов в сферы обслуживания и духовного производства. Но только до известных пределов.

Да, трудности со сбытом, постоянные кризисы перепроизводства привели к тому, что в экономически развитых капиталистических странах, как говорится, один производит, а двое-трое «проталкивают» его продукцию к потребителю в рекламе, в торговле, в разного рода услугах. Но тоже только до известных пределов. Экономический потенциал США, например, настолько развит, что, абстрактно говоря, каждый пенсионер, каждая бедная семья теоретически может снабжаться на дому всем необходимым. Однако такая перспектива на практике просто утопична, поскольку этого не допускает социальный потенциал страны, иными словами, платежеспособный спрос населения в условиях существующего общественного строя. Чтобы практически реализовать теоретическую возможность, необходимо сменить общественный строй, подключив социальный потенциал к экономическому.

Вот почему доля занятых в сфере обслуживания и духовного производства (в том числе занятых в ней дипломированных специалистов) не может подняться в условиях капиталистического производства выше известных пределов, каким бы желательным это не представлялось работникам сферы или самому населению.

Число врачей в США более чем в полтора раза уступает числу врачей в СССР, хотя экономический потенциал США позволяет в принципе предоставить возможность систематически проходить медицинское обследование всему населению страны, а не только меньшинству с тугим кошельком. Число дипломированных научных работников и инженеров в США немалого превышает полмиллиона, хотя теоретически страна могла бы содержать хоть десяток миллионов ученых и инженеров. То же самое относится

к любой другой капиталистической стране и к любой сфере общественного производства. Ученые и инженеры, врачи и педагоги, артисты и художники, юристы и архитекторы — любые дипломированные специалисты допустимы здесь лишь в таких количествах и пропорциях, в каких это диктует платежеспособный спрос капиталистического рынка, управляемого, в свою очередь, законами буржуазного строя.

Это обстоятельство и привело к изменению наметившейся было тенденции развития образовательно-квалификационной структуры капиталистических стран. Трудно там молодому человеку получить специальное высшее образование. Но даже если он найдет финансовую поддержку и окончит университет, куда потом? Рынок дипломированных специалистов насыщен. Можно «зря» потерять много лет и заведомо прогадать по сравнению со своим товарищем, который сразу после школы устроился на производство и уже обрел выгодную квалификацию. Безработица — слишком серьезная угроза, чтобы ее можно было игнорировать при выборе профессии.

Безработица во многом регулирует приток молодежи в колледжи на определенном уровне, и никакое «постиндустриальное общество» не способно изменить такого порядка вещей без существенных социальных преобразований самого общества.

Даже в отношении «оптимизации» социально-демографической структуры, за которую активно выступают «индустриалисты», без серьезных социальных преобразований не обойтись. Не может без них перейти к сознательному планированию числа детей в семье неграмотный крестьянин развивающихся стран. И не может без них решиться на оптимальную для современного общества двух-трехдетную семью рядовой гражданин современной капиталистической страны; все чаще видящий себя вынужденным ограничиться одним ребенком, а то и вовсе остаться бездетным или вообще воздержаться от вступления в брак (легче пробиться в жизни!).

Вряд ли «постиндустриальное общество» способно принести тут с собой что-либо новое по сравнению с ситуацией нынешних дней. То же самое можно сказать в отношении денежного бюджета семьи и бюджета времени трудящихся.

Да, современное массовое поточное производство продовольственных и промышленных товаров широкого потребления позволяет снижать долю расходов в домашнем денежном бюджете на продукты питания и одежду, хотя рост цен и здесь постоянно вносит довольно мрачные коррективы. Но одновременно систематически возрастает доля расходов на жилье, транспорт, культурные нужды. Что толку, если расходы на одежду, покупаемую на дешевых распродажах при закрытии сезона или при банкротстве какой-нибудь фирмы, составят несколько процентов, если квартира поглощает половину всех доходов «средней» семьи? А ведь, помимо жилья и питания, нужно позаботиться о расходах на детей, подумать о летнем отдыхе, отложить как можно больше на «черный день» — на случай безработицы, болезни и уж обязательно на старость, когда доходы могут упасть ниже прожиточного уровня.

Кроме того, все более остро встает вопрос о так называемых престижных расходах, без которых в буржуазном обществе трудно «пробиться» в жизни или хотя бы просто закрепить достигнутое положение. Если тебя встречают всюду только в зависимости от величины твоего счета в банке, от района города («богатого» или «бедного»), в котором ты живешь, от марки твоей автомашины, от «солидности» магазинов, где ты покупаешь все необходимое, от места твоего отдыха летом, наконец, от «солидности» фирмы, где ты работаешь, и от твоей должности на работе (а это, как правило, находится в неразрывной обратной связи со всем перечисленным выше), ясно, что ты будешь урезать себя во всем, чтобы под страхом жизненного краха выкроить лишний цент, пенс, сантим на фактически строго обязательные «престижные» расходы.

Как видим, «постиндустриальное общество» и здесь бессильно внести что-либо новое по сравнению с существующим положением без коренных социальных преобразований.

Наконец, сокращение рабочего времени в условиях буржуазного общества обернулось для миллионов людей жизненной трагедией. Увеличение свободного времени, которое, казалось бы, является для человека социальным благом, сделалось при капита-

лизме социальным злом, с ним ожесточенно борются, как только умеют.

Дело в том, что постепенное втягивание капиталистических стран Запада на протяжении 70-х гг. в очередной экономический кризис резко изменило тенденции 50—60-х гг. С одной стороны, сокращение рабочего времени уменьшает прибыли и ослабляет конкурентоспособность капиталистических фирм, что особенно чувствительно в период кризиса. Поэтому введение 25—30-часовой рабочей недели к середине 70-х гг., возмеченное пророками «постиндустриального общества» за десятилетие до этого, пока что для последней четверти XX в. очень далеко от реальности. С другой стороны, государственно-монополистический капитализм, действительно, ищет способы ослабления кризиса и темпов роста безработицы, в частности, на путях сокращения рабочей недели, но не введением сокращенной рабочей недели с прежней оплатой, а фактически распространением неполной рабочей недели с сокращенной оплатой. Это, естественно, наталкивается на сопротивление профсоюзов, не менее ожесточенное, чем когда-то при попытках капиталистов сохранить 12—14-часовой рабочий день.

Кроме того, обострился вопрос о структуре и содержании увеличивающегося досуга. Известно, что полноценно использовать свое свободное время человек способен только на определенном, достаточно высоком, уровне духовной культуры и в современных условиях только при достаточно высоком уровне культурного обслуживания. Ни того, ни другого на Западе нет и в обозримом будущем при существующем положении не предвидится. А раз так — возникает «проблема свободного времени». Она сплетается в тесный узел с проблемами отчуждения личности, одиночества, безысходности, алкоголизма, наркомании, проституции, порнографии и т. д., словом, развивается в массовых масштабах деморализация людей, особенно молодежи.

Что отрадного может внести в такую ситуацию «постиндустриальное общество» при любом увеличении свободного времени? На этот вопрос нет никакого ответа, кроме самых мрачных предположений.

Таким образом, «постиндустриальное общество» по всем статьям принесло растущее разочарование мечтающим о светлом бу-

дущем в условиях буржуазного строя. Попытка идеологов капитализма создать «образ будущего», который выглядел бы «конкурентоспособной» альтернативой коммунистическому обществу и оказался бы привлекательным для широких кругов общественности Запада, потерпела неудачу.

Правда, «постиндустриализм» и до сих пор остается на вооружении буржуазной идеологии, составляя одно из основных футурологических течений. Но позиции «постиндустриалистов» к концу 70-х гг. далеко не те, с которых они начинали 15 лет назад. Миражи «постиндустриального общества» в значительной мере развеяны. Ожидания не оправдали себя. В буржуазной идеологии разворачивается поиск других «путей в будущее».

### **ОТ «ФУТУРОЛОГИИ» К «ФУТУРОШОКУ»**

---

Критика теорий индустриализма вообще и концепции «постиндустриального общества» в частности развернулась с позиций самой же буржуазной идеологии еще в первой половине 60-х гг., когда открыто апологетическое течение буржуазной футурологии, выступавшее (и до сих пор выступающее!) под этим знаменем, было преобладающим, «задавало тон», активно атаковало слабые в то время оппозиционные течения. Среди последних выделялись по значению два, одно из которых можно условно назвать «реформистским» или «конвергенционистским», а для другого самым подходящим названием было бы «апокалипсическое», ибо оно на новый лад толковало старое учение о «конце света». Оба течения едва теплились, да и то преимущественно в Западной Европе. Никому из буржуазных наблюдателей того времени и в голову прийти не могло, что пройдет всего несколько лет, и господствующее течение потерпит сокрушительное фиаско.

Представители «конвергенционистского» течения, опиравшиеся преимущественно на теоретические воззрения социал-реформистского характера, сомневались в совместимости социально-экономических последствий научно-технической революции с сохранением капитализма в его современном виде и выступали за то,

чтобы реформировать его, «приспособить» к будущему путем усиления в нем социалистических начал вплоть до полной «конвергенции» с социализмом (предполагалось, что и в социализме будут усиливаться либерально-демократические начала). Это течение привлекало сторонников критикой пороков буржуазного строя. Типичное произведение этого направления — книга западногерманского социал-демократа профессора Ф. Бааде «Соревнование к 2000 году» (1960, рус. пер. 1962).

Развитие мировой системы социализма, бурные политические события на Западе в конце 60-х гг. сильно подорвали конвергенционистские иллюзии сторонников этого течения.

Со своей стороны, представители «апокалипсического» течения, опиравшиеся преимущественно на философию экзистенциализма, тейярдизма или неопозитивизма, вообще сомневались в совместимости социальных последствий научно-технической революции с дальнейшим существованием человечества и расходились только по вопросу о том, когда и как именно погибнет современная западная цивилизация. Типичное произведение этого направления — книга западногерманского философа-экзистенциалиста К. Ясперса «Атомная бомба и будущее человечества» (1962). Это течение, поначалу даже еще более слабое и еще менее авторитетное, чем предыдущее, выдвинулось вскоре на первый план буржуазной футурологии, однако претерпело при этом серьезные изменения.

Как уже говорилось, вплоть до 1970 г. «Год 2000» Кана и Винера продолжал находиться в центре внимания футурологов. В пылу дебатов мало кто заметил, что обстановка уже с 1967—1968 гг. начала изменяться и примерно к 1971—1972 гг. изменилась радикально. На открыто апологетическое течение в этот период обрушились три «антифутурологические» волны такой силы, что его буквально смыло с «переднего края» футурологии. Плохо пришлось и конвергенционистскому течению, представители которого были деморализованы и, можно сказать, почти начисто стусеивались.

Начало сдвигу было положено всем памятными политическими кризисами конца 60-х годов, подъемом рабочего движения, молодежными «бунтами» и т. д. Будучи органически связаны с

социально-экономическими недугами капитализма и представляя собой конкретные проявления общего кризиса капитализма, эти кризисы привели в действие механизмы цепной реакции сложного ряда социальных, политических и идеологических последствий, в том числе вызвали «антифутурологические» настроения.

Первая «антифутурологическая волна» была связана с растущей тревогой мировой общественности по поводу прогрессирующего загрязнения окружающей природной среды. Она нарастала исподволь, долгие годы, а в конце 60-х гг. обрушилась лавиной. Здесь, видимо, сыграли роль многие факторы: и стремительный рост масштабов загрязнения у всех на глазах, и те весомые «капли», которые переполняют чашу терпения людей, и безотрадные прогнозные данные на будущее с первых же шагов «технологического прогнозирования», которые стали достоянием гласности, и попытки некоторых политиканов нажить себе политический капитал на тревоге и недовольстве общественности, и стремление монополий нажить себе на том же самом уже не только один политический капитал, и попытки правящих кругов западных стран переключить внимание общественности с политико-экономических проблем на экологические, и многое другое.

Как бы то ни было, факт остается фактом: «экологическая волна» конца 60-х — начала 70-х гг. взметнулась сотнями книг и тысячами статей в защиту природы, сделалась предметом страстных дискуссий, предвыборных кампаний и парламентных распрей. Она была умело использована монополиями в их междоусобной борьбе, привела к возникновению на Западе специальных правительственных учреждений по охране природы и... решительно подорвала в глазах западной общественности престиж мажорных прогнозов открыто апологетического течения. Стало «неприличным» говорить о каком-то безоблачном «постиндустриальном обществе», игнорируя общую тревогу насчет того, что станет с Землей. «Никакой футурологии без экологии» — эти слова, произнесенные на одной из научных конференций в те годы, можно было бы поставить эпиграфом к новому этапу эволюции буржуазной футурологии.

Достаточно сравнить книгу Кана и Винера, допустим, с книгой американского социолога Р. Фолка «Наша планета в опасно-



сти» (1971) — настоящим набатом тревоги, заглушавшим ликующие фанфары прежних лет, чтобы убедиться в том, насколько существенно было дискредитировано в глазах мировой общест-венности открыто апологетическое течение.

Вторая «волна» накатила буквально следом за первой. Начались поиски «виновника» загрязнения природной среды. Тако-вым с позиций буржуазной идеологии, естественно, был признан не изживший себя общественный строй, а «современная техноло-гия», точнее, современные тенденции развития научно-техническо-го прогресса (включая и организацию общественного производст-ва): энергетика, основанная на сжигании невозполнимых ресурсов нефти, газа и угля; материально-сырьевая база с ее «вскрышны-ми разработками» и сведением лесов на миллионах гектаров; промышленность, захватывающая сельскохозяйственные угодья, от-равляющая воду и воздух; автотранспорт, соревнующийся с про-мышленностью в отравлении воздуха, убивающий сотни тысяч и калечащий миллионы людей ежегодно; конвейеры на заводах, из-матывающие и оупляющие рабочих; «сверхурбанизация», приво-дящая к противоестественному скоплению многомиллионных масс людей в гигантских «супергородах» — мегалополисах и т. д. Раз-вернулась кампания по «оцениванию технологии», повторившая все перипетии экологической кампании вплоть до создания междуна-родной ассоциации и правительственных учреждений специально по этой проблеме. О размахе и характере движения можно су-дить, например, по книге американских футурологов М. Сетрона и Б. Бартока «Оценивание технологии в динамической среде» (1974).

«Технологическая волна» по накалу страстей и скорости на-растания первоначально грозила перехлестнуть первую, но в ко-нечном итоге примерно к середине 70-х гг. слилась с ней. Ее значение трудно переоценить. Ведь, по сути дела, ставился во-прос о качественно новой концепции научно-технического прогрес-са как в принципе управляемого явления. Ясно, что от того, как сложится эта концепция, во многом будет зависеть характер даль-нейшей эволюции буржуазной футурологии.

Парифразирова приведенное выше высказывание одного из участников футурологических конференций, можно сказать, что

лозунгом начала 70-х гг. на Западе сделался тезис: «Никакой футурологии при современной технологии». Это тоже было тягчайшим ударом по открыто апологетическому течению, которое целиком базировалось на «современной технологии» и оптимистично проецировало в будущее наблюдавшиеся тенденции развития научно-технического прогресса.

Третья «волна» возникла почти одновременно со второй. Она выразилась в оживлении давно существовавшего на Западе анти-сциентистского течения с его отрицанием науки как конструктивной формы общественного сознания, обвинениями в ее адрес, сводившимися к тому, что именно она якобы породила гонку вооружений, развитие атомного, химического, бактериологического оружия массового уничтожения, загрязнение природной среды, демографический и информационный «взрывы», многочисленные тупики и кризисы буржуазного строя. Представители этого течения обвиняют ученых в том, что они якобы превратили науку в некую «священную корову», в нечто вроде новой религии и ведут привольную жизнь новоявленных жрецов, которых не трогают тревоги и беды человечества. Отсюда — призывы «упразднить науку», заменить ее новыми формами общественного сознания, какими именно — неясно даже авторам подобных призывов.

Отзвуки подобных настроений можно было обнаружить, например, в выступлениях американского священника Дж. Платта, сведенных в его книгу «Шаг к человеку» (1966). «Экологический» и «технологический» кризис дал такого рода взглядам как бы второе дыхание. Число выступлений в этом духе резко возросло. Правда, и третья «волна», вскоре слилась с первой. Но свою роль в подрыве «кредитоспособности» открыто апологетического течения — лучшей мишени с антисциентистских позиций трудно было и придумать! — она также сыграла.

Под этими ударами облик буржуазной футурологии стал заметно меняться<sup>1</sup>. Открыто апологетическое течение осталось пре-

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: И. В. Бестужев-Лада. Будущее человечества и буржуазная футурология. — «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 11; И. В. Бестужев-Лада. Эволюция американской футурологии. — «США — экономика, политика, идеология», 1977, № 3.

обладающим по числу представителей и произведений, но оказался дискредитированным, оттертым на второй план в глазах западной общественности и претерпело немаловажные изменения. Оставаясь в принципе на своих прежних позициях, его представители учли новую конъюнктуру, включив в свои концепции мотивы «экологического кризиса», «переоценки технологии», а иногда и антисциентизма. Они сделали гораздо более изощренной свою аргументацию и намного убавили мажорный тон прогнозов. Это относится даже к последующим работам Г. Кана — наиболее радикального и «стойкого» представителя данного течения, в частности, к его книгам, вышедшим в те годы, «Растущая японская сверхдержава: вызов и ответ» (1970), «Грядущее: размышления о 70-х и 80-х гг.» (1972, в соавторстве с Б. Брюс-Бриггсом), «Следующие 200 лет» (1976, в соавторстве с У. Брауном и Л. Мартелем). В еще большей мере это относится к работам Д. Белла и других «постиндустриалистов».

Д. Белл представил свой доклад о «постиндустриальном обществе» на VII Международный социологический конгресс (Болгария, Варна, 1970), внося некоторые поправки по сравнению с докладами на «Комиссии 2000 года» в 1965—1966 гг., опубликованными в упоминавшемся выше сборнике «Навстречу 2000 году» (1968). Но времена настолько изменились, что частных поправок оказалось недостаточно.

Доклад Белла вызвал резкую заочную критику (сам автор на конгресс не явился), причем не только со стороны социологов-марксистов. Даже буржуазные социологи вынесли ему приговор: «Старомодно». Наверное, эта оценка не осталась для Белла безразличной. Во всяком случае на следующий год он выступил в журнале «Сэрвей» (1971, № 2) с большой статьей «Постиндустриальное общество: эволюция идеи», а в 1973 г. выпустил монографию «Приближение постиндустриального общества: экскурс в социальное прогнозирование». Здесь мы видим существенные новации.

Во-первых, уже не игнорируются, как это свойственно теориям индустриализма, принципиальные различия между капитализмом и социализмом. Подчеркивается нереальность их «конвергенции». За социализмом признается «право на существова-

ние», но... только в определенной плоскости понимания, или, пользуясь терминологией автора, «оси исследования». Если иметь в виду «ось собственности» (на средства производства), то различаются феодализм, капитализм и социализм. Если «ось собственности производства» — то доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество независимо от общественного строя. Если же «ось политики» — то демократическое и авторитарное общество. И так далее. Какая «ось» основная, определяющая, автор не указывает.

Во-вторых, отрицается прежняя монополия «валового национального продукта на душу населения» в качестве ключевого показателя развития общества. Выдвигается система социальных показателей, о которой говорилось в предыдущем разделе.

В-третьих, более определенно подчеркивается серьезность проблем, стоящих перед человечеством. Путь к «постиндустриальному обществу» рисуется не таким безоблачным, как прежде.

И все же новые работы Белла продолжали вызывать все более резкую критику со стороны его коллег. Чутко реагирующий на изменения конъюнктуры журнал ассоциации американских футурологов «Футурист» (1973, № 6) поместил разгромную рецензию на новую книгу Белла. Автору предъявлялись обвинения в защите позиций «редукционистской» (читай: традиционно-рутинной) науки против «рождающейся целостной науки», в «предубеждениях, свойственных истэблишменту», в «завуалированном утопизме» (утопия «вечного капитализма») и даже, по существу, в прогностической непрофессиональности («ненастоящем футуризме»). Еще более резко критиковали книгу Белла его западные коллеги на VIII Международном социологическом конгрессе (Канада, Торонто, 1974), куда автор на сей раз явился сам, но доклада не представил и от участия в дискуссии воздержался.

Что касается Г. Кана, тоже пользовавшегося на Западе в 60-х гг. значительным авторитетом, то его критиковали еще сильнее. Теперь его атаковали не только сторонники мира, которые не могли забыть, как хладнокровно разбирал он в своей книге «О термоядерной войне» (1960) возможные варианты гибели человечества в атомной катастрофе, но и футурологи, весьма далекие как от марксизма, так и от пацифизма. Его обвиняли в пол-

ном несоответствии прогнозов, сделанных в трудах Гудзоновского института, реальным тенденциям развития человечества в последней трети нашего века.

Дело дошло до того, что англо-американский журнал «Фьючерс» (один из самых представительных органов западной футурологии, в редакционный совет которого входят Белл и Кан) поместил статью (1975, № 1) с убийственной критикой качества прогноза развития экономики Великобритании на 1980 г., разработанного Европейским отделением Гудзоновского института. Этот институт считался одним из самых высокопрестижных исследовательских центров на Западе по разработке социально-экономических и военно-политических прогнозов глобального масштаба. К его услугам прибегали (и прибегают) крупнейшие финансово-промышленные корпорации США, Японии, ряда стран Западной Европы. Институт все время расширял свою деятельность, создал Европейское (в Париже) и Азиатское (в Токио) отделения, включил в «сферу своей компетенции» огромные регионы от Палестины до Вьетнама и от Чили до Ирландии и, казалось, не имел никакого отношения к судьбам буржуазной футурологии, занимаясь в основном практической разработкой прогнозов. Тем не менее и он не ушел от ударов, обрушившихся на открыто апологетическое течение. Его прогноз был публично объявлен несостоятельным!

Ничего подобного и представить себе нельзя было в 60-х гг., когда авторитет Белла и Кана как наиболее видных футурологов был на Западе абсолютно непререкаемым.

В своей последней работе — книге «Противоречия культуры капитализма» (1976) — Белл предостерегает, что при дальнейшем стихийном развитии событий «капитализм может уничтожить сам себя». В поисках «оптимизации» социальных процессов автор обращается к религии, как это уже неоднократно делали антисциентисты. Его новое произведение можно понять только в контексте дискуссий, вызванных концепциями, которые появились в начале 70-х гг. и которые нам предстоит рассмотреть в следующем разделе. Так эволюционировало господствовавшее совсем недавно открыто апологетическое течение буржуазной футурологии.

Сказанное относится не только к Беллу и Кану. Та же участь

постигла конвергенционистское течение. Представители апокалипсического течения просто растерялись перед лицом бурного потока событий конца 60-х гг. и отошли на задний план в глазах общественности Запады. Их сменили новые, малоизвестные или даже вовсе неизвестные прежде люди. В центре внимания оказался «Футурошок» О. Тоффлера (1970).

Тоффлер ярким, образным языком публициста рассказал о том, как социальные последствия научно-технической революции развеивают в прах мир современного буржуа, все привычные каноны его социального времени и пространства, его социальной среды, социальных ценностей.

Бешено ускоряется темп жизни. Одежда, домашняя обстановка, все вещи, окружающие человека, сами по себе теряют прежнюю престижную ценность. Чем чаще человек может позволить себе их менять, тем выше его престиж в глазах «общества массового потребления». Начинается царство «вещей одноразового пользования». Исчезает прежнее обаяние «отчего дома». Каждая пятая американская семья в среднем ежегодно меняет место жительства! Для «современных кочевников» жилой дом превращается в «жилье одноразового пользования».

Разваливается социальный институт семьи и брака, тесный круг друзей. На каждые две свадьбы — один развод! «Друзей» меняют, как перчатки, по мере надобности в «нужных людях» для продвижения по службе или успеха в обществе. Растет не только проституция, но и просто число безобразных оргий почти совершенно незнакомых друг другу людей. Появляется и тут же распадается множество «брачных коммун». Порнография становится «обычной» литературой, фотографией и кинематографией. Супругу, возлюбленную, друзей заменяют «знакомые одноразового пользования». Преступность, наркомания, массовая деморализация людей растут как на дрожжах.

Вместо привычного стиля жизни появляется множество разнообразных «стилей жизни», один другого экстравагантнее и возмутительнее, по прежним понятиям.

Вместо привычных «солидных» фирм со строгой иерархией престижа и сфер компетенции служащих раскручивается калейдоскоп возникающих и исчезающих комитетов, центров, комис-

сий, институтов, корпораций, по-разному — иногда очень значительно — влияющих на развитие экономики, политики, культуры. Вместо стабильной «профильной» организации управления по отраслям возникает «проблемная» организация, каждый раз новая для решения каждой новой проблемы. Вместо привычной бюрократии и плутократии появляется невиданная прежде «адхократия» — «комитеты ад хок (для данного случая)», «калифы на час», которые на этот час оказываются важнее самых важных президентов и директоров.

Средства массовой информации — пресса, радио, телевидение, поглощающее кино и театр, — становятся на Западе средствами массового оглупления людей, бесцеремонной и бессмысленной манипуляции личностью человека. Искусство превращается в стремительно сменяющие друг друга модные кривлянья, в «потеху одноразового пользования». Наука, подбираясь к секретам управления развитием физического и психического облика человека, готовится поставить массовое оглупление людей и манипуляцию личностью на «научную» основу, ускоряет процесс превращения *гомо сапиенс* в какой-то кибернетический организм.

Все более неуютно чувствует себя человек в этом «безумном, безумном мире». Все чаще оказывается он в состоянии шока. А ведь все это, доказывает автор, только начало. Потому что это — не просто шок, в футурошок, шок от столкновения с будущим, которое уготовано западному миру.

Как же встретить этот «вызов будущего»? Тоффлер предлагает рецепты: во-первых, срочно развивать «исследования будущего», интегрировать прогнозирование — целеполагание — планирование — программирование — проектирование — управление в единую систему; во-вторых, начать «обучение будущему» в школах, университетах, по каналам массовой информации, знакомя людей, особенно молодежь, с социальными последствиями научно-технической революции, облегчая их «приспособление» к будущему; в-третьих, расширять практику социальных экспериментов, искусственно создавая «плацдарм для наступления на будущее».

Слов нет, и то, и другое, и третье немаловажно. Но столь же ясно, что одним лишь исследованием, преподаванием и социаль-

ным экспериментом беде не поможешь. Без изменения общественного строя любые попытки «наступления на будущее» останутся заведомо утопическими. Тем самым еще более усиливалось впечатление безысходности «футурошока».

Все это вместе взятое произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Динамика ВНП на душу населения, радужные миражи «постиндустриального общества», «конвергенция», экзистенциалистские стенания по поводу «отчуждения личности» — все это показалось сущим вздором по сравнению с обрисовавшейся угрозой надвигающейся катастрофы. Почти два года вокруг книги Тоффлера кипели споры на тему о том, реальна ли грядущая катастрофа, и если да, то как ее избежать. Однако прошло лишь немногим более года — и появились книги, по сравнению с которыми Тоффлер выглядел таким же оптимистом, как ранее Белл и Канн по сравнению с ним самим.

### **«ПРЕДЕЛЫ РОСТА» ИЛИ «ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ»!**

---

В 1971 г. вышла из печати книга, которой было суждено сыграть особую роль в эволюции буржуазной футурологии на протяжении 70-х гг., явиться как бы первым межевым знаком между современным и предыдущим этапом этой эволюции. Поначалу она в отличие от книги Тоффлера прошла незамеченной. Книга называлась «Мировая динамика». Автор ее — Дж. Форрестер, специалист по теории управления, профессор Массачусетского технологического института (США) — был известен своими книгами «Индустриальная динамика: основы кибернетики предприятия» (1961, рус. пер. 1971) и «Динамика развития города» (1969, рус. пер. 1974), по общему мнению, никакого отношения к футурологии не имевшими. Третья книга Форрестера имела предысторию, без которой трудно понять ее сложную судьбу: она была написана в связи с деятельностью так называемого Римского клуба.

Римский клуб, получивший название по месту своей штаб-квартиры, был создан в 1968 г. по инициативе А. Печчеи, итальянского промышленника, члена правления фирм «Оливетти» и «Фиат»,



председателя Комитета Атлантической Экономической Кооперации (одной из экономических организаций НАТО). Печчеи пригласил около полусотни видных ученых, бизнесменов и общественных деятелей Запада (впоследствии их число было увеличено) регулярно собираться для обсуждения проблем, поднятых экологической и технологической «волной». Члены Клуба объехали столицы многих стран мира, стремясь обратить внимание правительств и общественности — прежде всего ученых — на серьезность этих проблем. Кроме того, Клуб располагал достаточными средствами (через поддерживающие его фирмы), чтобы заказать специальные научные исследования по данной проблематике.

В июле 1970 г. на заседании Клуба был обсужден очередной доклад, на этот раз — профессора Форрестера о его опыте моделирования социальных систем. Доклад произвел большое впечатление и был развернут в монографию, а группе молодых коллег Форрестера во главе с Д. Медоузом заказали исследование проекта по «глобальному моделированию» (в развитие положений Форрестера) с использованием ЭВМ.

Спустя год монография вышла в свет, исследование было завершено, и журнальный отчет о нем опубликован.

Однако информация Форрестера и Медоуза на первых порах осталась попросту непонятой. Потребовалось около года, пока вышла книга группы Медоуза «Пределы роста» (1972) и пока, наконец, до научной общественности Запада дошло, что выводы Форрестера — Медоуза сенсационны, что по сравнению с ними апокалипсические сентенции Тоффлера — сущая идиллия. Вот тогда-то, в конце 1972 г., взорвалась еще одна «футурологическая бомба».

Между тем Форрестер с самого начала говорил об очень серьезных вещах. Он предложил вычленить из сложного комплекса глобальных социально-экономических процессов несколько решающих для судеб человечества, а затем «проиграть» их взаимодействие на кибернетической модели с помощью ЭВМ совершенно так, как уже «проигрываются» противоречивые технологические процессы при определении оптимального режима работы какого-нибудь предприятия.

В качестве ключевых процессов в исследовании Форресте-

ра — Медоуза были избраны рост мирового народонаселения, рост промышленного производства и производства продовольствия, уменьшение минеральных ресурсов и рост загрязнения природной среды. Моделирование с помощью ЭВМ показало, что при существующих темпах роста населения мира (свыше 2% в год, с удвоением за 33 года) и промышленного производства (в 60-х гг. 5—7% в год с удвоением примерно за 10—14 лет) на протяжении первых же десятилетий XXI в. минеральные ресурсы окажутся исчерпанными, рост производства прекратится, а загрязнение природной среды станет необратимым.

Чтобы избежать такой катастрофы, создать «глобальное равновесие», авторы рекомендовали резко сократить темпы роста населения и промышленного производства, сведя их к уровню простого воспроизводства людей и машин по принципу: новое — только взамен выбывающего старого (концепция «нулевого роста»).

С этих позиций уровень жизни, приближенный величиной валового национального продукта на душу населения, не годился для обобщающего показателя. Форрестер предложил другой — «качество жизни», который к тому времени давно уже служил предметом дискуссий, а сам Форрестер трактовал его как интегральный показатель плотности (скученности) населения, уровня промышленного и сельскохозяйственного производства, обеспеченности минеральными ресурсами и загрязненности природной среды. Не менее важными для «качества жизни» признавались масштабы стрессовых ситуаций на работе и в быту, а также качество охраны здоровья. Наконец, высказывалось предположение, что в современных условиях (точнее было бы сказать: в условиях современного этапа развития капиталистического способа производства) уровень и качество жизни находятся в обратной зависимости по отношению один к другому: чем выше уровень жизни, связанный с темпами роста промышленного производства, тем быстрее истощаются минеральные ресурсы, быстрее загрязняется природная среда, выше скученность населения, хуже состояние здоровья людей, больше стрессовых ситуаций, т. е., в понимании автора, ниже становится качество жизни.

Позднее этот тезис подлил масла в огонь дискуссии по поводу содержания понятий «уровень», «стандарт», «качество»,

«стиль» и «образ жизни», разгоревшейся на Западе в середине 70-х гг.<sup>1</sup>. Но на первых порах он также остался незамеченным.

Сенсационной в концепции Форрестера — Медоуза стала не их трактовка качества жизни и даже не угроза глобальной катастрофы, а то, что в данном случае авторы апеллировали к авторитету не человеческого, но электронного мозга, компьютера. И компьютер дал сигнал: впереди — катастрофа. Это-то и вызвало бурю полемики (продолжающейся, кстати, и до сих пор).

Встал вопрос, имеют ли право Медоуз и его сотрудники выступать от имени «всеведущего» компьютера и разыгрывать роль новоявленного «бога из машины» в стиле древнегреческих трагедий? Ведь ЭВМ работают по заданной программе, а программу задают люди. Правильно ли составлена программа и достаточно ли основательны теоретико-методологические принципы ее построения?

Первый же развернутый ответ на эти вопросы гласил: нет.

В журнале «Фючерс» (1973, № 1 и 2) появилась серия статей, подготовленных сотрудниками Группы по изучению политики в отношении науки во главе с Г. Коулом и К. Фримэном (Сассекский университет, Великобритания). В том же году статьи были опубликованы сразу несколькими издательствами в виде отдельных сборников. Серия открывалась статьей «Мальтус с компьютером». Далее во всех статьях Форрестера и Медоуза упрекали за попытку оживить неомальтузианство. Конкретно им предъявлялись обвинения:

в порочности глобального подхода, не учитывающего существенных различий между отдельными странами, особенно между развитыми и развивающимися (процессы роста населения и промышленного производства, истощения минеральных ресурсов и загрязнения природной среды в разных странах идут по-разному);

в ошибочности программ, заложенных в ЭВМ, поскольку они опирались на экстраполяцию тенденций, свойственных 60-м гг. (в 70-х гг. эти тенденции, как известно, начали меняться, а в 80—90-х гг. могут измениться еще радикальнее);

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: И. В. Бестужев-Лада, Г. С. Батыгин. О «качестве жизни», — «США — экономика, политика, идеология», 1978, № 1.

в односторонности использования инструментария современной прогностики: было проведено преимущественно поисковое прогнозирование — продолжение в будущее наблюдаемых тенденций при абстрагировании от возможных решений, действия на основе которых способны радикально видоизменить эти тенденции; не получило развития нормативное прогнозирование — установление возможных путей достижения оптимального состояния процесса на основе заранее определенных социальных идеалов, норм, целей.

Последнее обвинение выглядело особенно тяжким, поскольку речь шла о соответствии сделанного прогноза требованиям современного прогнозирования социальных процессов, которое ориентировано не просто на предсказание, а на содействие оптимизации решений путем сопоставления данных поиска и норматива.

В том же номере «Фьючерс» трибуна для ответа на критику была предоставлена авторам «Пределов роста». Медоуз и его сотрудники признали «некоторое несовершенство» своих моделей, но настаивали на правомерности использования их, пока не будут разработаны более совершенные. Они признавали односторонность своего подхода, но указывали, что при известных условиях и содействующих оговорках глобальный подход вполне допустим и что в их книге имеются элементы и нормативного подхода. В заключение они принимали ярлык «неомальтузианцев» (переименованный позднее в «экопессимистов» — «экологических пессимистов»), но за это навешивали на своих оппонентов не менее обидный ярлык «технооптимистов» («технологических оптимистов»), подразумевая наивность веры во всемогущество научно-технического прогресса самого по себе.

С тех пор и по сей день оба ярлыка, как два знамени, обозначают две главные противоборствующие силы буржуазной футурологии на последнем, современном этапе ее эволюции в 70-х гг.

Главное же, Медоуз и его коллеги обвиняли своих оппонентов в негативном подходе, поскольку те не предлагали позитивной альтернативы. В особенности они возмущались тем, что их критики обрушились на две первые, предварительные части задуманной работы (на «Мировую динамику» и «Пределы роста»), не до-

ждавшись двух последних, заключительных частей — коллективной монографии тех же авторов «Навстречу глобальному равновесию» (вышла за месяц до появления уже подготовленного к тому времени номера «Фючерс» с серией критических статей) и подробного отчета об исследовании в целом под заглавием «Динамика роста в ограниченном мире» (1974).

Но эти обвинения уже не представляли особого интереса. К весне 1973 г. в разработку поисковых и нормативных моделей — альтернатив моделям Форрестера — Медоуза — включилось свыше десятка значительных исследовательских групп и ряд отдельных ученых. Число работ по этой проблематике стало расти, как снежный ком. «Бум прогнозов» начала и середины 60-х гг. сменился после «распутицы» конца 60-х — начала 70-х гг. «бумом глобальных моделей» середины 70-х гг.

В 1974 г. появилась следующая значительная работа того же ряда — второй доклад Римскому клубу, книга М. Месаровича (США) и Э. Пестеля (ФРГ) «Человечество на поворотном пункте». Ее авторы попытались преодолеть недочеты своих предшественников. Процесс моделирования был намного усложнен, главным образом за счет расширения имитационного и игрового инструментария. Чрезвычайно усилился нормативный аспект исследования. В центре внимания авторов оказалась разработка альтернативных нормативно-прогнозных сценариев разрешения назревающих проблем. Одна группа таких сценариев касается различных вариантов помощи развивающимся странам со стороны развитых, имея в виду ликвидацию растущего пока что разрыва между их промышленными потенциалами. Другая группа касается различных вариантов урегулирования отношений между странами — производителями и потребителями нефти. Третья — различных вариантов решения мировой продовольственной проблемы.

В отличие от Форрестера — Медоуза с их указанием на угрозу глобальной катастрофы и рекомендацией скорейшего перехода к «нулевому росту» общий вывод работы Месаровича — Пестеля: при сохранении существующих тенденций катастрофа ожидается прежде всего в ближайшие десятилетия в регионах, охватывающих развивающиеся страны мира; позднее она скажется и на развитых странах, которые и без того будут испытывать расту-

щие трудности. Рекомендации: возможно скорее перейти не к «нулевому», а к «органическому росту», дифференцировав темпы роста в зависимости от уровня развития страны с увеличением помощи развивающимся странам и с упором на форсирование решения мировой продовольственной и нефтяной проблемы.

Авторы, как и их предшественники, исходили из незыблемости буржуазного строя. Утопичность их надежд на решение социальных проблем, стоящих перед человечеством при сохранении капиталистического способа производства, очевидна. Не удивительно, что книга подверглась на Западе не менее жестокой критике, чем работы Форрестера — Медоуза.

В 1976 г. появились третий и четвертый доклады Римскому клубу — книги исследовательских групп под руководством Я. Тинбергена (Нидерланды) «Обновление международного экономического порядка», и Д. Габора (Великобритания) «За пределами века расточительства».

Первая книга, по существу, имеет в виду перестройку экономических отношений между развитыми и развивающимися странами мира<sup>2</sup>. Общий вывод работы: при существующих тенденциях в ближайшие десятилетия разрыв между развитыми и развивающимися странами возрастет до катастрофических масштабов с угрозой полного развала экономики последних, гибели сотен миллионов людей от голодной смерти и с серьезными осложнениями международных отношений в целом. Рекомендации: существенно увеличить финансовую и продовольственную помощь развивающимся странам по линиям субсидий, займов и торговли с целью форсировать индустриализацию этих стран и оптимизировать их экономику на основе торможения гонки вооружений.

Вторая книга посвящена в основном проблемам и перспективам истощения минеральных ресурсов мира. Вывод: продолжение в будущем наблюдаемых тенденций неизбежно приведет к крушению существующего мирового топливно-энергетического и материально-сырьевого баланса. Рекомендации: оптимизация того и другого баланса путем максимально возможного увеличения в них

---

<sup>2</sup> Официальная точка зрения СССР на перспективы дальнейшего развития международных экономических отношений изложена: «Правда», 1976, 5 октября.

удельного веса возобновляемых ресурсов (как энергетических, так и материальных) при строжайшей экономии, распространении замкнутых циклов производства, многократном использовании вторичного сырья и т. д.

Как видим, дальнейшая разработка перспективных глобальных проблем идет по линии сужения и углубления исследований с целью получить более конкретные и содержательные рекомендации.

В 1977—1978 гг. вышел пятый доклад Римскому клубу — два тома исследовательской группы под руководством Э. Ласло (США) «Цели человечества». Как явствует из самого названия, внимание авторов сосредоточено здесь почти целиком на нормативной стороне прогнозирования. Первый том состоит из трех частей. В первой рассматриваются региональные аспекты целеполагания по восьми крупнейшим регионам мира. Заслуживает внимания то, что по каждой группе стран руководители исследования стремились привлечь специалистов данного региона, в том числе из Советского Союза и ряда других социалистических стран. Отдельно рассматриваются цели крупнейших международных организаций, многонациональных корпораций и главнейших мировых церквей. Вторая часть посвящена проблемному целеполаганию в области международной безопасности, продовольствия, энергетики и минеральных ресурсов, общего глобального развития. Особое внимание уделяется разрыву между целями различного профиля и уровня. В третьей части развывается призыв «совершить революцию в деле установления всемирной солидарности для достижения научно установленных глобальных целей». Это, пожалуй, наиболее слабая сторона работы, так как утопичность призывов к «всемирной солидарности» без серьезных социально-политических преобразований в странах империализма не вызывает сомнений. Второй том посвящен детальному изложению хода исследования.

Итак, на протяжении переходного этапа эволюции западной футурологии (по нашей периодизации, примерно в 1968—1971 гг.) три течения, имевшиеся в 60-х гг. («открыто апологетическое» и оппозиционные ему «конвергентнистское» и «апокалипсическое») перестроились в два новых — «экопессимистов»

(неомальтузианского характера) и «технооптимистов» (неокейнсианского характера). Между этими двумя основными течениями «линия фронта» еще более сложна, чем между тремя предыдущими.

Правильнее было бы построить некую воображаемую шкалу, на одном полюсе которой расположились бы наиболее последовательные «экопессимистические» произведения — типа, например, книги Р. Гейлбронера «Исследование перспектив человечества» (1974), а на другом — столь же последовательные «технооптимистические», типа, допустим, книги В. Феркисса «Будущее технологического общества» (1974) или упоминавшейся уже работы Г. Кана с его коллегами «Следующие 200 лет» (1976). Все остальные футурологические описания с теми или иными оговорками размещаются на соответствующих точках шкалы, в зависимости от степени «пессимизма» или «оптимизма» автора. Правда, тем самым выделяется лишь одна из многих плоскостей каждой авторской концепции, но зато в современной обстановке — самая важная и актуальная.

Чтобы более рельефно обозначить указанные степени, Г. Кан в только что упомянутой работе предложил ввести не две, а целых четыре градации: «убежденные неомальтузианцы», «умеренные пессимисты», «умеренные оптимисты», «энтузиасты технологии и роста» (научно-технического прогресса, по более близкой нам терминологии).

Для «неомальтузианца» глобальная модель — нечто вроде куска пирога, который чем быстрее ешь, тем быстрее съешь, самое позднее через полвека. Научно-технический прогресс в современном виде бесперспективен для него и в экологическом, и в экономическом отношении. Несостоятельность социального управления ему очевидна. Истощение природных ресурсов — тоже. Демографические процессы (в развивающихся странах) напоминают ему рост раковой опухоли, грозящей гибелью всему организму, научно-технические открытия — западню, способную в лучшем случае отсрочить гибель. Поляризация доходов и рост нищеты представляются ему неизбежными и чреватými в мировых масштабах (особенно в отношении развивающихся стран) катастрофическими потрясениями. Качество жизни людей, в его гла-



зах, столь же катастрофически падает. С этой точки зрения в XXI в. неизбежна величайшая в истории человечества катастрофа: гибель миллиардов людей от голода, загрязнения окружающей среды и войн из-за остатков минеральных ресурсов плюс жестокая тирания для оставшихся в живых. С этой точки зрения оправданы любые — даже самые драконовские — меры, чтобы уменьшить масштабы грядущей катастрофы.

Для «умеренного пессимиста» размеры «земного пирога» не определены: возможно, их удастся увеличить в ходе дальнейшего развития топливно-энергетической и материально-сырьевой базы производства. Ему ясно, что такое развитие будет все более затруднительным и потребует стремительно возрастающих капиталовложений, но он надеется, что ухудшение положения удастся приостановить, не допустив катастрофы. Он признает несостоятельность существующей системы социального управления, но надеется на некоторое улучшение, способное притормозить катастрофические процессы. Примерно так же смотрит он и на истощение природных ресурсов. Демографические процессы представляются ему катастрофичными не фатально, а потенциально: есть возможность «поправить» их. Научно-технические открытия пока что самоубийственны для человечества, но, может быть, станут более эффективными в будущем? Разрыв в уровне жизни растет, но мыслимы меры для его смягчения. Безысходность экономического развития можно попытаться преодолеть возвращением «назад, к природе», т. е. к сельскому ручному труду. Тем же путем можно притормозить падение качества жизни. Угроза катастрофы реальна, но не фатальна, и ее можно смягчить системой продуманных мероприятий не обязательно драконовского характера.

В глазах «умеренного оптимиста» размеры «земного пирога» определенно растут: открываются новые ресурсы, способные помочь выйти из критического состояния. Научно-технический прогресс может содействовать оптимизации экономики. Социальное управление при всех его недостатках способно организовать решение глобальных проблем. Природных ресурсов, если их рационально расходовать, хватит на несколько десятков миллиардов человек населения мира в будущем. «Взрывные» ныне процессы (на-

селение, загрязнение, информация и пр.) наверняка стабилизируются. Научно-технические открытия станут благотворными. Разрыв в уровне жизни увеличивается, но сам уровень почти всюду повышается. Промышленное производство способствует этому процессу.

Наконец, «энтузиаст» видит «земной пирог» беспредельным. Он уверен, что дальнейший научно-технический прогресс решит все проблемы. Социальное управление улучшается. Открываются все новые ресурсы. Чем больше людей на земном шаре — тем лучше. Уровень жизни в развивающихся странах можно подтянуть за считанные десятилетия. С этой целью промышленное производство нужно всемерно форсировать. «Качество жизни» — бессмыслица: достаточно и высокого уровня жизни. Общая перспектива — все более светлое будущее.

Г. Кан дает понять, что к «неомальтузианцам» относит Форрестера и Медоуза, к «умеренным пессимистам» — авторов последующих докладов Римскому клубу, к «умеренным оптимистам» — себя самого, а к «энтузиастам» — авторов из социалистических стран огулом (что, кстати, отнюдь не свидетельствует о его знакомстве с работами этих авторов).

На протяжении последних лет проблематика глобального моделирования вышла далеко за поле деятельности Римского клуба. С альтернативными моделями выступили исследовательские группы под руководством И. Кайя (Япония), А. Эрреры (Аргентина), Г. Линнемана (Нидерланды), В. Леонтьева (США), А. Габю (Швейцария), П. Робертса (Великобритания) и другие. С 1972 г. функционирует Международный институт прикладного системного анализа в Лаксенбурге (Австрия), значительная часть проблематики которого непосредственно связана с вопросами глобального, регионального и проблемного моделирования. Среди членов-учредителей этого института наряду с США, ФРГ, Англией, Францией, Италией, Канадой — СССР, ГДР, Болгария, Польша, Чехословакия, Венгрия... Аналогичные институты созданы в ряде стран мира.

С 1967 г. существует также Международная исследовательская группа под эгидой Института мирового правопорядка (США). За истекшие годы она подготовила серию монографий, во многом перекликающихся по духу с докладами Римскому клубу, но

имеющих и ряд любопытных оригинальных черт. Таковы, в частности, вышедшие в 1974—1976 гг. книги С. Мендловица (США) «О создании справедливого мирового правопорядка», Р. Фолка (США) «Исследование будущих миров», Р. Котари (Индия) «Шаги в будущее», А. Мазруи (Уганда) «Всемирная федерация культур» и другие.

Однако углубление в эту сторону намного вывело бы нас за рамки настоящей работы. Вернемся к общей характеристике буржуазных концепций будущего, к их эволюции на протяжении 70-х гг.

То, что надвигающаяся глобальная катастрофа реальна и серьезна, стало для буржуазных футурологов с середины 70-х гг. настолько само собой разумеющимся, что специально подчеркивать это еще и еще раз считается ныне просто тривиальным. Времена розовых миражей «постиндустриального общества» 60-х гг. безвозвратно ушли в прошлое. Подавляющее большинство авторов и ораторов согласны с тем, что человечество к последней четверти XX в. оказалось на «поворотном пункте», откуда возможны два пути: к «тотальной глобальной катастрофе» или к радикальному изменению существующего порядка вещей, чтобы избежать ее. Спор идет в основном о путях спасения от довольно четко обрисовавшейся опасности. Все более интенсивно развертываются поиски выхода из тупика, поиски решения социальных проблем, нагромождающихся одна на другую, поиски социальных целей, на которые следует ориентироваться при решении проблем.

«Следующие 25 лет: кризис и возможности» (выхода из него) — такова была тема II съезда американской футурологической ассоциации в 1975 г. и таково же заглавие сборника материалов этого съезда. «Пути социального развития» — так была сформулирована общая тема IX Международного социологического конгресса в 1978 г.

Какие проблемы волнуют футурологов Запада больше всего?

Перспективных проблем много — сотни. Даже при их агрегировании получается около ста комплексных проблем первостепенного значения. Но на первый план в большинстве работ выдвигаются три, от решения которых в значительной степени зависит судьба остальных:

«продовольственный кризис», или угроза голодной смерти для сотен миллионов человек в развивающихся странах начиная примерно с 80-х гг. при сохранении там нынешних темпов роста населения и нынешнего отставания промышленности и сельского хозяйства;

«технологический кризис», или угроза необратимого загрязнения окружающей природной среды с опасностью для жизни и здоровья миллиардов людей в развитых и развивающихся странах начиная примерно с 90-х гг. при сохранении нынешних тенденций развития энергетики (особенно тепловых и атомных электростанций) и материально-сырьевой базы, нынешних темпов урбанизации, роста авиа- и автотранспорта, вообще научно-технического прогресса в его современном виде;

«психофизиологический кризис», или угроза самому физическому и психическому облику современного homo sapiens, на протяжении самое позднее первой половины XXI в., при сохранении нынешних темпов развития средств целенаправленного регулирования физиологии и психологии людей (включая манипуляционные воздействия на мозг и центральную нервную систему, вторжение в механизм наследственности средствами «геной инженерии» и т. п.) с перспективой превращения человека в «кибернетический организм», чье поведение поддается программированию внешними органами управления.

Что же касается путей решения проблем, то на первый план первоначально выдвинулась концепция «нулевого роста». Она подразумевает:

«нулевой демографический рост», или простое воспроизводство населения, для чего необходимо, чтобы каждая семья в мире имела в среднем двух-трех детей;

«нулевой экономический рост»: строить новые промышленные предприятия только взамен выбывающих из строя, причем той же мощности;

«нулевой рост загрязнения окружающей природной среды»: перевод всех промышленных предприятий (включая городское хозяйство) на замкнутый цикл производства с полной утилизацией отходов и тары.

Сюда же добавляются требования повышения в топливно-

энергетическом балансе процентной доли «чистых источников энергии», т. е. гидравлических, солнечных, ветряных, геотермических, гидротермических и тому подобных электростанций, замены двигателей внутреннего сгорания электродвигателями, сокращения нарастающих масштабов деловых и увеселительных поездок путем «оптимального расселения» людей в пределах пешеходной доступности от мест работы, покупок и развлечений, а также путем более эффективного использования средств связи, особенно кабельного телевидения и видеофона, наконец, свертывания отраслей промышленности, работающих на «псевдопотребности» (чисто престижные или заведомо вредные для человека; идет дискуссия, какие именно потребности относить к данной категории).

Очевидные методологические недочеты концепции «нулевого роста» вызвали к жизни ее преемницу — концепцию «органического роста» с большей дифференциацией социальных норм по различным регионам земного шара и по различным аспектам образа жизни общества. Основная идея «органического роста» — компенсация продолжения роста там, где это будет признано необходимым, более радикальным свертыванием темпов роста во всех остальных случаях. Но основной круг прогнозных нормативов остается при этом в рамках, очерченных выше.

Концепции «нулевого» и «органического» роста оказались тесно связанными с более широкой концепцией «качества жизни», которая также выдвинулась за последние годы на первый план. Эта концепция интегрировала лозунги экологической, технологической и антисциентистской кампаний, придала им значение переоценки критериев оптимума не только научно-технического, но и социального прогресса (в смысле отказа от «чисто экономического роста», от требований повышения уровня жизни, с заменой их требованиями «качественного развития», «психологического комфорта», «гармонии человека и природы», «оптимального расселения» — всего того, что на Западе отождествляется с крайне неопределенным понятием «качества жизни»)<sup>3</sup>.

За короткое время концепция «качества жизни», подобно «ан-

---

<sup>3</sup> См.: С. И. Попов. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе. М., 1977.

тифутурологическим» кампаниям, прошла на Западе все ступени развития: вокруг нее развернулась буря дебатов в прессе, она получила отражение в выступлениях политических деятелей и представителей финансово-промышленных корпораций, была использована в ходе предвыборных кампаний и, наконец, привела к созданию специальных партийных и правительственных учреждений, т. е. возведена в ранг государственной политики ряда капиталистических стран.

Ясно, что многое из перечисленного выше — от роста населения до качественных характеристик условий и образа жизни людей — имеет важное значение для судеб человечества. Поднятые проблемы чрезвычайно серьезны и заслуживают первостепенного внимания ученых всех стран мира. Но нет сомнения и в том, что предлагаемые буржуазными футурологами меры сами по себе бессильны решить социальные проблемы.

«Нулевой рост населения» для развивающихся стран при капиталистическом способе производства остается благим пожеланием, так как только коренные социальные преобразования (вместе с экономическим ростом) способны создать условия для решения сложных демографических проблем, условия, при которых бразильский, нигерийский, индийский крестьянин смог бы подняться на ступень культуры, позволяющую сознательно планировать число детей в семье.

«Нулевой экономический рост» означает катастрофу для большинства стран мира, где приостановка развития экономики заведомо обрекает миллионы людей на голод, эпидемии и нищету; с другой стороны, он означает добровольный отказ финансово-промышленных корпораций от увеличения прибыли как главного стимула своего существования, иными словами, требует, чтобы капитализм перестал быть капитализмом.

Наконец, «нулевой рост загрязнения природной среды», «замкнутый цикл производства», «чистые источники энергии», «оптимальное расселение», «псевдопотребности» и тому подобные понятия весьма неопределенно звучат в обществе, где самоцелью является прибыль, где «деньги не пахнут» и где «оптимально» — все, что приносит барыши. В частности, качество жизни, если понимать под ним не какой-то надуманный антипод уровня жизни,

как это нередко делают на Западе, а качественные характеристики условий образа жизни, означает уровень содержательности труда и досуга, уровень комфорта в труде и быту, качество питания, одежды и жилья, окружающей природной среды, качество функционирования социальных институтов, уровень удовлетворения потребностей в общении, знаниях, творчестве, социальной активности, уровень развития социальных гарантий, дающих уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне, степень развития коллективизма, подлинной демократии и т. д. Но какое «новое качество жизни» может дать способ производства, основанный на выколачивании прибыли любой ценой?

Требуется смена отжившего способа производства качественно новым, чтобы научно-технический прогресс пошел в ногу с социальным, чтобы качество жизни перестало быть противоположностью уровня жизни, чтобы конструируемое западными футурологами «дерево социальных целей» оказалось адекватным «дереву социальных проблем», чтобы достижение целей означало решение проблем. Да и само «дерево проблем» при таком подходе выглядит иначе. Его вершину составляют не демографические, научно-технические и медико-биологические проблемы (важные сами по себе), а проблемы социальные: пути перехода от империализма с его гонкой вооружений, угрозой войны, неоколониализмом, массовой деморализацией людей и деградацией культуры к коммунизму, создающему основу для решения социальных проблем.

Именно с этих позиций выступают на Западе философы, экономисты и социологи-марксисты, противопоставляющие марксистско-ленинскую концепцию будущего, основанную на положениях диалектического и исторического материализма, тесно связанную с теорией научного коммунизма, — многообразным и противоречивым концепциям буржуазной футурологии<sup>4</sup>.

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

---

Буржуазная футурология перестала бы быть буржуазной, если бы увидела корень современных бед человечества в капитализме,

---

<sup>4</sup> См.: Л. Лавалле, За марксистское исследование будущего. М., 1974.

а не в разного рода производных проблемах — демографических, научно-технических, медико-биологических, экологических и других. Поэтому, оставаясь на прежних позициях, она лишь перестраивает свои ряды (и, добавим, аргументацию) под нажимом обрушивающихся на нее «антифутурологических волн» и в ходе борьбы между противоборствующими течениями.

Как мы видели, апокалипсическое течение, но уже в совершенно новом обличье и совершенно иными людьми представленное, логикой событий на последнем, текущем этапе эволюции западной футурологии неожиданно выдвинулось на первый план с новой аргументацией, новыми концепциями и новыми лидерами. Открыто апологетическое течение отошло на второй план, но осталось значительным в количественном отношении, по числу представителей и потоку их продукции. Конвергенционистское течение окончательно стухало.

При этом все три течения на протяжении 70-х гг. настолько изменились, что, по существу, образовали два новых: неомальтузианцев — «экопессимистов» и неокейнсианцев — «технооптимистов» с многочисленными группировками и оттенками внутри каждого из них.

Представители обоих течений строят примерно одно и то же «дерево проблем» и «дерево целей», причем надеются, что эти «деревья» будут произрастать на довольно-таки размытой почве современной буржуазной действительности. Разница, пожалуй, лишь в том, что неомальтузианцы больше упирают на первое, т. е. на поисковый прогноз, и пессимистически относятся к возможности быстро и успешно решить проблемы, полностью избежать катастрофы, а неокейнсианцы упирают на второе, т. е. на нормативный прогноз, и оптимистически взирают на мощь современной науки и техники, которые должны, по их мнению, вывести капитализм из катастрофического тупика.

Однако современный, текущий этап эволюции западной футурологии, можно сказать, полностью исчерпал себя. В общем и целом разработанная на его протяжении «картина будущего» предельно ясна, хотя и крайне противоречива. Все, что можно было сказать о надвигающейся глобальной катастрофе, кажется, уже сказано. Ныне никто на Западе не сомневается в серьезности на-



высшей угрозы и все, образно говоря, наизусть знают, в чем именно она заключается и из каких составных частей складывается. Все, что можно было сказать (в общем и целом!) о возможных путях избавления от угрозы, избежания катастрофы — тоже многократно сказано и пересказано. Конечно, все это — такие важные для судеб человечества вещи, что повторять их можно и нужно беспрестанно, особенно в целях просвещения мировой общественности. Однако найти что-либо существенно новое на проторенных путях футурологической мысли вряд ли возможно.

Растет понимание, что для дальнейшего развития сложившихся концепций будущего необходима кропотливая, чрезвычайно сложная и трудоемкая многолетняя исследовательская работа в области долгосрочного научно-технического и социально-экономического прогнозирования, в области построения более основательного, более тщательно разработанного «дерева проблем» и «дерева целей» — работа, которая развертывается за последние годы во многих странах мира. И растет понимание, что ключевой теоретико-методологический вопрос этой работы сводится к тому, возможно ли вообще найти способ избавления от грядущей катастрофы при сохранении капиталистического способа производства, буржуазного общественного строя с неизбежными спутниками — гонкой вооружений, неоколониализмом, хищническим разбазариванием жизненных ресурсов человечества и т. д., либо для этого необходимы серьезные социальные преобразования.

Есть много оснований полагать, что Запад замер в ожидании нового «футурошока». Основания эти проистекают из того, что «бури», которые жестоко потрепали буржуазную футурологию в конце 60-х — начале 70-х гг., не обходят ее стороной и поныне. Мы остановились выше на ряде проблем, связанных с буржуазными концепциями будущего, которые образуют, так сказать, «передний край» современной западной футурологии, находятся как бы в эпицентре футурологических дискуссий. Этот ряд может быть продолжен, причем все время открываются новые проблемы, абсолютнo неразрешимые в условиях капитализма.

Один круг таких проблем — современные экономические, социальные, политические и военные кризисы, сотрясающие мир. От футурологов ждут ясных концепций относительно перспектив вы-

хода из этих кризисов (при условии сохранения буржуазного строя!). А таких концепций футурология дать не в состоянии, что вызывает волну за волной нападок на нее, даже из своего же собственного идеологического лагеря.

Другой круг — социальные проблемы труда и быта, народного образования, ориентации дальнейшего развития науки, искусства, культуры в целом, проблемы, чрезвычайно обострившиеся за последние годы. От футурологов и здесь ждут рекомендаций, не колеблющихся устоев буржуазной действительности. А футурологи и здесь пасуют.

Еще один круг (среди ряда прочих) — проблемы дальнейшего развития социальных потребностей и социальной структуры, социальной организации и социального управления, социального (рабочего и свободного) времени, социального пространства (жизненной среды), всего образа жизни людей в последней четверти XX — первой четверти XXI вв.<sup>1</sup> От решения этих проблем в немалой степени зависит будущее человечества. Они носят преимущественно социологический характер, а большинство западных социологов, оставаясь на позитивистской платформе отрицания возможности научного предвидения, до недавних пор традиционно игнорировали проблематику социального прогнозирования и больше всего заботились о том, чтобы их не путали с футурологами. Теперь положение изменилось, и мало кто из значительных социологов Запада остается в стороне от футурологии. И философы, и социологи, и экономисты совместно бьются над решением перспективных социальных проблем. А решения проблем не видно и вряд ли его можно увидеть с позиций буржуазной идеологии.

«В обстановке обостряющихся внутренних противоречий и порождаемой этим неуверенности на Западе никто не может сказать, что ожидает в перспективе экономику капиталистического мира, — читаем мы в материалах XXV съезда КПСС. — Во всяком случае, оптимизма даже в большинстве официальных прогнозов не видно»<sup>2</sup>. Эти слова полностью относятся к буржуазным концепциям будущего на современном этапе их эволюции.

<sup>1</sup> См.: Прогнозирование в социологических исследованиях, М., 1978.

<sup>2</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 118.

Буржуазным концепциям будущего противостоит марксистско-ленинская концепция, четко определенная теорией научного коммунизма. В отношении социалистического общества, строящего коммунизм, имеется в виду прежде всего превращение содержательного, творческого, общественно полезного труда в первую, главную жизненную потребность. В свою очередь, это предполагает высокую производительность труда на базе комплексной механизации и автоматизации производства и, как следствие, изобилие материальных и духовных благ, обеспечивающих возможно более полное удовлетворение потребностей личности и общества. Далее, имеются в виду социальная однородность общества, постепенное стирание граней между классами на основе единой общенародной собственности на средства производства, окончательное преодоление существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом; сближение наций и развитие единой интернациональной общности людей. Важные черты коммунистического образа жизни — высокая материальная и духовная культура, культура быта, полное равноправие женщины, семья на основе любви и общности духовных интересов всех ее членов.

Коммунистический образ жизни предполагает также гармонию интересов личности и общества, общественное самоуправление как общенародное дело, непосредственное участие масс в управлении производством, обществом. Особо следует подчеркнуть такие черты коммунистического образа жизни, как социальная справедливость, свободное проявление способностей каждого, полная ликвидация антиобщественных явлений, наконец, всестороннее развитие личности, гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Эти черты социального идеала — концепции будущего в научном коммунизме — при построении конкретной нормативной модели перспектив развития образа жизни органически сопрягаются с соответствующими конкретными социальными целями, реально достижимыми в условиях зрелого социалистического общества. Сопоставление «дерева проблем» и «дерева целей», поискового и нормативного прогноза, содействует, как уже говорилось,

выработке рекомендаций по дальнейшему совершенствованию социалистического образа жизни, всемерному развитию и укреплению в нем коммунистических начал.

XXV съезд КПСС дал директиву в числе важнейших направлений развития научных исследований в области общественных наук «продолжить разработку теории создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений, формирования нового человека, развития социалистического образа жизни...»<sup>3</sup>. Дальнейшая разработка марксистско-ленинской концепции будущего ведется на прочном фундаменте теории научного коммунизма. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Л. И. Брежнев отмечал на XXV съезде КПСС, что марксизм-ленинизм — единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики. Это учение дает понимание исторической перспективы, помогает нам определить направление социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед<sup>4</sup>.

Так раскрываются перспективы коммунистического будущего человечества. «Единство партии и народа, руководящая роль партии позволяют нам ставить перед собой и решать задачи крупнейшего масштаба, которые никогда не могли и не могут быть решены в условиях эксплуататорского общества»<sup>5</sup>.

## ЛИТЕРАТУРА

---

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О научном коммунизме. М., 1967.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

---

<sup>3</sup> Материалы XXV съезда КПСС, с. 214.

<sup>4</sup> См.: там же, с. 72.

<sup>5</sup> «Правда», 1979, 20 апреля.

О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М., 1979.

Брежнев Л. И. Во имя счастья советских людей. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 г. М., 1979.

Дорогой созидания и мира. Выступление депутата А. Н. Косыгина на первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва.— «Правда», 1979, 20 апреля.

Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчеств. М., 1973.

Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. Критика современных буржуазных концепций. М., 1978.

Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее. М., 1970.

Бобровский В. С. Личность и социальное прогнозирование. Критика футурологических концепций. Минск, 1977.

Бовш В. И. Футурология и антикоммунизм. Минск, 1977.

Борьба идей в современном мире. В 3-х т. М., 1975—1977.

Будущее человеческого общества. Критика современных буржуазных философских и социально-политических концепций. М., 1971.

Иконникова Г. И. Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи. М., 1975.

Какое будущее ожидает человечество? Прага, 1964.

Капырин В. С. Процесс общественного развития и «Теория стадий» Уолта Ростоу. М., 1967.

Кокошин А. А. Прогнозирование и политика. Методология, организация и использование прогнозирования международных отношений во внешней политике США. М., 1975.

Кокошин А. А. О буржуазных прогнозах развития международных отношений. М., 1978.

Косолапов В. В., Лисичкин В. А. Критика буржуазных концепций будущего. М., 1978.

Кузнецов В. Н. Основные тенденции кризиса современной буржуазной философии. М., 1978.

Ожегов Ю. П. Проблема предвидения в современной буржуазной идеологии. Новосибирск, 1971.

Ожегов Ю. П. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1975.

Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978.

Солодухин Ю. Н. Критика современных концепций немарксистского социализма. М., 1975.

Федоров Е. К. Экологический кризис и социальный прогресс. М., 1977.

Хромушин Г. Б. Будущее в зеркале антикоммунизма. М., 1975.

**СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ В БРОШЮРЕ  
ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ,  
НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК \***

---

**ВВЕДЕНИЕ**

- Dioscorides [P. Harting]. Anno 2066. Weimar 1866.  
Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. V. 1—4. N. Y., 1937—41.  
Toynbee A. A Study of History. V. 1—2, L. 1946—57.  
Low A. The Future. N. Y., 1925.  
Gibbs Ph. The Day After To-Morrow. L. 1928.  
Earl of Birkenhead. The World in 2030. L. 1930.  
Jungk R. Die Zukunft hat schon begonnen. Bern und Stuttgart. 1952.

**Миражи «постиндустриального общества»**

- Fourastié J. La civilisation de 1960. P. 1947 [de 1975, P. 1953, de 1995, P. 1974].  
Fourastié J. Histoire de demain. P. 1956.  
Fourastié J. La grande métamorphose du XX-e siècle. P. 1961.  
Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, Mass. 1960.  
Galbraith J. American Capitalism: The Concept of Counter-vailing Power. Boston 1952.  
Galbraith J. The Affluent Society. Boston 1958.  
Galbraith J. The Liberal Hour. L. 1960.  
Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. P. 1962.  
Aron R. Trois essais sur l'âge industriel. P. 1966.  
Touraine A. La société post-industrielle. P. 1969.  
Bell D. [ed.] Toward the Year 2000. Boston 1968.  
Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N. Y. 1973.  
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y. 1976.  
Kahn H., Wiener A. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next 33 Years. N. Y. — L. 1967.

**От «футурологии» к «футурошоку»**

- Jungk R., Galtung J. [eds.] Mankind 2000. Oslo — London 1969.

---

\* Названия даны в порядке, соответствующем упоминанию в тексте.

Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft der Menschen. München 1962.

Falk R. This Endangered Planet. N. Y. 1971.

Cetron M., Bartocha B. Technology Assessment in Dynamic Environment. L., 1974.

Platt J. The Step to Man. N. Y. 1966.

Kahn H. The Emerging Japanese Superstate. Challenge and Response. N. Y. 1970.

Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to Come: Thinking About 70-s and 80-s. N. Y. 1972.

Kahn H., Brown W., Martel L. The Next 200 Years. N. Y. 1976.

Challenges from the Future. V. 1—4. Tokyo 1972.

Bell D. The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea. «Survey», 1971, No. 2.

Kahn H. On Thermonuclear War. N. Y. 1960.

Flechtheim O. History and Futurology. Meisenheim 1966.

Flechtheim O. Futurologie: der Kampf um die Zukunft. Köln 1970.

Flechtheim O. Zeitgeschichte und Zukunftspolitik. Hamburg 1974.

Toffler A. Future Shock. N. Y. 1970.

Baier K., Rescher N. [eds.] Values and the Future. N. Y. L. 1969.

### **«Пределы роста» или «поворотный пункт?»**

Meadows D. a. o. The Limits to Growth. N. Y. 1972.

Cole H. a. o. [eds.] Models of Doom: A Critique of the Limits to Growth. N. Y. 1973.

Meadows D. a. o. [eds.] Toward Global Equilibrium. N. Y. 1973.

Meadows D. a. o. The Dynamics of Growth in a Finite World. N. Y. 1974.

Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point. N. Y. 1974.

Tinbergen J. a. o. Reshaping the International Order. N. Y. 1976.

Gabor D. a. o. Beyond the Age of Waste. N. Y. 1976.

Laszlo E. a. o. Goals for Mankind. V. 1—2. N. Y. 1977—1978.

Heilbroner R. An Inquiry into the Human Prospect. N. Y. 1974.

Ferkiss V. The Future of Technological Civilization. N. Y. 1974.

Spekkel A. [ed.] The Next 25 Years: Crisis and Opportunity. Washington 1975.

- Kothari R. Footsteps into the Future. N. Y. 1974.  
Mendlovitz S. On the Creation of a Just World Order.  
N. Y. 1975.  
Falk R. A Study of Future Worlds. N. Y. 1975.  
Mazrui A. A World Federation of Cultures. N. Y. 1976.

**Игорь Васильевич Бестужев-Лада**

**КРИЗИС БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ  
БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

**Гл. отраслевой редактор З. М. Каримова**

**Редактор Л. К. Кравцова**

**Мл. редактор О. И. Проценко**

**Худож. редактор Т. С. Егорова**

**Техн. редактор С. А. Птицына**

**Корректор Н. Д. Мелешкина**

**ИБ № 2337**

А 09124. Индекс заказа 91009. Сдано в набор 08.06.79. Подписано к печати 30.07.79. Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 3,54. Тираж 37 320 экз. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 1160. Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.  
Цена 11 коп.



## УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1980 г. издательством «Знание» будет продолжен выпуск научно-популярных брошюр серии «Философия» (цикл «Новое в жизни, науке, технике»).

Брошюры серии освещают достижения советской и зарубежной философии. Читатели познакомятся с актуальными проблемами диалектического и исторического материализма, философскими вопросами естествознания, логики и методологии науки. В брошюрах найдут отражение важнейшие вопросы социальной и политической жизни советского общества.

Брошюры содержат аргументированную критику буржуазных и ревизионистских философских концепций.

Читатели получают информацию с переднего края науки, информацию точную, доступную, интересную.

В 1980 г. подписчики получают 12 номеров. Среди них:

А. П. Бутенко. Общественный прогресс и его критерии;

А. М. Ковалев. Взаимодействие общества и природы;

А. П. Шептулин. Категории как форма отражения действительности;

С. Н. Смирнов. Философско-методологические проблемы научно-технической революции;

В. С. Швырев. Философский анализ сущности и основных форм науки;

С. М. Шалютин. Язык и мышление;

Л. Н. Москвичев. Критика буржуазной социологии познания;

Т. И. Ойзерман. Буржуазный миф о «смерти философии».

(Краткие аннотации на эти издания см. в последующих номерах серии.)

Брошюры рассчитаны на лекторов, пропагандистов, преподавателей, студентов, слушателей университетов марксизма-ленинизма и всех читателей, интересующихся проблемами философии.

Подписка принимается общественными распространителями печати по месту работы и учебы, в пунктах подписки, агентствах и отделениях «Союзпечати», на почтамтах и в отделениях связи, а также организаторами подписки в воинских частях, на кораблях и в учебных заведениях Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Подписная цена на год — 1 руб. 32 коп.

Индекс серии «Философия» в каталоге «Союзпечати» — 70065.

11 коп.

Индекс 70065

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
„ЗНАНИЕ“

